

18+

УТЕС

Цена гнева

DSS

DSS DSS

Утёс. Цена гнева

<https://litres.ru/73871871>

ISBN 9785006979833

Аннотация

Иногда в жизни человека бывает всего один момент. Одно решение. Решение, принятое в гневе. Но именно это решение может изменить всю судьбу. В итоге останется лишь один вопрос... Но стоило ли?..

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 Рождение	13
Гордый утёс	104
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Утёс

Цена гнева

DSS

© DSS, 2026

ISBN 978-5-0069-7983-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Досжан?..

Одинокий утёс...

Он возвышался над озером, как молчаливый страж, переживший века и не склонившийся ни перед временем, ни перед бурями. Его тёмные, изрезанные ветром и дождями скалы хранили на себе следы бесчисленных штормов, но в этой суровости чувствовалась не разрушенность, а сила — холодная, уверенная, непоколебимая. Он стоял гордо, отделяя небо от воды, будто сам выбирал, что должно остаться внизу, а что имеет право подняться выше. И в его тишине было не спокойствие, а власть — тяжёлая, давящая, такая, перед которой человек невольно ощущал свою ничтожность.

И на этой вершине сидел он. Жалын.

На холодном камне, слегка наклонившись вперёд и опершись локтями на колени. Словно одиночество объединило этих двоих.

Внизу темнела вода. Холодный весенний ветер тянул с озера сыростью и тихо шуршал в молодых деревцах. Сумерки медленно сгущались, и над водой постепенно разливалась густая вечерняя тишина.

Но внутри Жалына этой тишины не было.

Он был ещё совсем молод — широкие плечи, крепкое тело, сильные руки. Но жёсткие линии на его лице выдавали другое: в душе этого человека давно не было покоя.

Жалын смотрел в темноту, но ничего не замечал. Мысли не давали ему передышки.

«Как теперь просить прощения?.. У друга... у любимой?..»

Эти вопросы крутились в голове снова и снова. Но вместе с ними поднимались и другие.

«Почему я должен просить прощения?.. Разве они не виноваты?..»

Сожаление поднималось внутри, потом его вытесняла гордость, потом снова возвращалось сожаление. Мысли сталкивались между собой. Внутри него шла тихая, но жестокая борьба.

С этими мыслями Жалын даже не заметил, как прошло время.

Солнце давно скрылось за горизонтом, темнота постепенно накрывала всё вокруг, ветер становился холоднее.

Он тяжело выдохнул.

— Нет... я перегнул. Особенно с Досжаном... Жалын покачал головой.

— Эх, Жалын... надо пойти и попросить прощения. Как

бы там ни было... так будет правильно.

Он медленно поднялся. Ветер коснулся его лица. Жалын стряхнул пыль с одежды, потянулся, будто пытаясь прогнать тяжесть из груди, на секунду посмотрел на молодые деревца, затем отвернулся и повернулся назад.

И в этот момент... Жалын замер.

Сердце резко сжалось.

Перед ним стоял человек.

Неподвижная фигура в темноте. Человек был в маске. Он стоял молча и неподвижно. Этот силуэт показался холоднее самой ночи, и от него веяло опасностью.

Жалын просто смотрел на него, затем сделал осторожный шаг вперёд.

И вдруг — в воздухе просвистел камень. Кусок камня пролетел совсем рядом с Жалыным. Он резко отступил назад.

— Эй! Ты что творишь?!

В ответ молчание. Жалын сделал ещё шаг.

Второй камень и ударился о землю рядом, осколки разлетелись в стороны.

— Ты вообще кто такой?!

Ответом опять стала тишина. Тяжёлая и глухая. Жалын нахмурился.

— Хочешь напугать?

И в тот же миг человек в маске рванулся вперёд.

— Стой! Что ты...

Прокричал Жалын и не смог договорить. Было поздно.

В одно мгновение человек подпрыгнул и со всей силы ударил Жалына ногой в грудь. Удар получился тяжёлым.

Жалын отлетел назад и рухнул на землю. Грудь сжало, воздуха не хватало.

«Что это сейчас было?..», — успел подумать Жалын и резко вскочил. В глазах вспыхнула ярость.

— Кто бы ты ни был... — он сжал кулаки. — Ты зря это сделал. И бросился вперёд.

Они столкнулись почти одновременно. Удар.

Ещё один.

Камни скользили под ногами, руки хватали одежду, плечи сталкивались, дыхание сбивалось. Жалын снова и снова пытался сорвать маску.

Но противник двигался слишком быстро — уклонялся, отступал и снова атаковал.

И вдруг... что-то внутри Жалына дрогнуло.

Движения. Стойка. То, как противник переносил вес тела, и как уклонялся. Жалын на секунду замер.

Эти движения... Он знал их слишком хорошо. Не раз видел.

На тренировках. На арене.

Перед выступлениями.

Вдруг он снова попытался схватить за маску, но человек не позволил и оттолкнул его с силой.

Пятась назад, Жалын чуть не упал с края. Но его опыт позволил ему сохранить равновесие. А человек в маске стоял неподвижно.

Но через секунду в нём что-то изменилось. Стойка. Он принял очень знакомую стойку.

Стойку, в которой Досжан бросал иглы. Увидев это, Жалын тихо усмехнулся.

Напряжение в его плечах медленно ушло.

— ...Досжан? Проговорил Жалын.

Но ответа так и не получил.

Только ветер слегка тронул одежду человека в маске. Жалын сделал шаг вперёд.

— Это ты?.. — расслабился он. — Решил меня напугать?

Понятно... значит, всё ещё злишься из-за вчерашнего.

Он сделал ещё шаг.

— Прости меня, Досжан... я был неправ. Он говорил спокойно. Почти устало.

— Пойдём... вернёмся к Асем. Начнём всё заново. Все трое... И в этот момент человек в маске медленно поднял руку.

На его запястье блеснули длинные тонкие иглы. Жалын замер.

На секунду он даже не понял, что видит. Иглы.

Тонкие. Длинные. Холодно блестящие. Сердце сильно ударило в груди.

Он слишком хорошо знал эти иглы.

Но разум будто отказывался принимать это.

Жалын растерялся. Он не понимал, как реагировать. Он просто смотрел. Будто надеялся, что сейчас всё окажется ошибкой.

Но этого не произошло. Иглы взлетели в воздух. Одна. Ещё.

И ещё...

Они одна за другой впивались в тело Жалына. Он неволь-

но начал отступать назад.

Чувствуя боль, он медленно произнёс:

— Досжан... почему?..

И в это мгновение его нога шагнула в пустоту. Камень под ногой исчез.

Жалын сорвался с края. Холодный ветер ударил в лицо. Мир перевернулся.

Каменные стены утёса стремительно пролетали мимо.

Жалын ударился плечом о выступ скалы. Потом ещё раз. Камни рвали одежду, царапали кожу, ломали кости, но он ничего не чувствовал.

Ни боли. Ни страха.

В его груди было только одно чувство — тяжёлое, глухое, не укладывающееся в сознании. Досжан.

Жалын даже не пытался за что-нибудь ухватиться. Он просто падал, словно всё внутри него уже перестало сопротивляться.

В ушах свистел ветер. Перед глазами мелькали тёмные камни. И только один вопрос.

— Почему?..

А внизу поднималась чёрная вода — холодная, глубокая, бездонная. И в следующее мгновение ледяная вода поглоти-

ла его.

Удар.

Холод пронзил тело.

Воздух исчез.

Только тьма.

Жалын уходил всё ниже.

Последним усилием он посмотрел вверх. Фигура в маске всё ещё стояла там. Неподвижно. Молча.

Через секунду темнота поглотила всё. Озеро снова стало тихим.

Лишь холодные волны медленно бились о камни утёса. Будто ничего и не произошло.

Глава 1 Рождение

Иногда новая жизнь приходит в этот мир через боль, которую невозможно измерить словами.

И не все рождаются, чтобы быть счастливыми...

Холодная осень.

Родильный дом.

Тот самый час, когда день уже умер, но ночь ещё не успела вступить в свои полные права. Небо над городом было тяжёлым, свинцовым, с низко нависшими тучами, и от этого весь мир казался темнее, холоднее и тише, чем обычно. Ветер, налетавший порывами, свистел между углами зданий, трепал редкие жёлтые листья, срывал их с деревьев и гнал по мокрому асфальту, бордюрам, ступеням. Они шуршали, цеплялись за лужи, прилипали к колёсам машин и тут же снова срывались с места, будто и сами не знали, куда их несёт ночь.

Родильный дом стоял в этой сгущающейся темноте почти неподвижным белым островом. Свет из его окон лился ярко и ровно, прорезая сумерки длинными жёлтыми прямоугольниками. На фоне холодной улицы этот свет казался

ся почти нереальным — слишком тёплым, слишком спокойным, словно внутри этого здания существовал какой-то иной мир, отдельный от сырого ветра, грязи, шума и человеческого страха.

И именно к этому свету на предельной скорости рвалась старая машина Самата. Слишком быстро — даже для надежды.

Фары выхватывали из темноты клочья дороги, мокрые полосы асфальта, редкие дорожные знаки, ряды чёрных деревьев, ограждение у обочины. Внутри салона пахло бензином, сырой одеждой, холодным железом, и поверх всего — острым, тревожным запахом страха, который ни с чем нельзя спутать.

Самат вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Ладони вспотели, но он этого уже не чувствовал. Он сидел, чуть подавшись вперёд, будто одним напряжением тела мог

заставить машину ехать ещё быстрее. Его глаза метались с дороги на зеркало, с зеркала назад, туда, где на заднем сиденье лежала Гутьсим.

— Потерпи... — хрипло сказал он. — Ещё чуть-чуть... слышишь? Мы уже почти приехали. Ответом ему был только её тяжёлый, прерывистый стон.

Гутьсим лежала боком, поджав ноги и обхватив руками живот. Ткань платья под ней смялась, волосы растрепались и прилипли к влажным вискам. Лицо её было бледным до се-

рого оттенка, губы пересохли, дыхание срывалось. Каждый новый приступ схватки проходил через всё её тело заметной волной: сначала она замирала, будто не успевая вдохнуть, потом пальцы впивались в сиденье, лоб резко покрывался испариной, а из горла вырывался сдавленный звук — попытка не закричать.

Самат слышал это и каждый раз чувствовал, как что-то внутри него сжимается всё сильнее.

— Гутьсим... — он на секунду обернулся, рискуя потерять дорогу из виду. — Посмотри на меня. Всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо. Мы доедем, тебя осмотрят, врачи помогут. Ты только держись, родная. Ещё немного.

Она попыталась открыть глаза. Ресницы дрогнули, взгляд был мутным, как будто она видела его через воду.

— Самат... — едва слышно выдохнула она. — Мне... очень больно...

Машину тряхнуло на выбоине. Металл под днищем глухо ударил, сзади звякнуло в багажнике. Самат резко стиснул зубы.

— Я знаю. Я знаю... — быстро заговорил он, будто словами можно было взять часть её боли на себя. — Только не закрывай глаза. Слышишь? Не закрывай. Смотри на меня. Мы

уже здесь. Мы почти приехали. Ты сильная. Ты выдержишь. С ребёнком всё будет хорошо. С тобой всё будет хорошо.

Он говорил, не потому что был уверен, а потому, что иначе молчание его бы убило.

Снаружи в очередной раз ударил ветер. Машину чуть повело, но Самат сразу выровнял руль. У въезда на территорию роддома он почти не снизил скорость. Под колёсами хлюпнула лужа. Свет фар скользнул по облупившемуся шлагбауму.

Самат со всей силы вдавил тормоз.

Он выскочил наружу, даже не захлопнув водительскую дверь. Холодный воздух ударил в лицо. На секунду от уличной сырости у него перехватило дыхание, но он уже рывком открывал заднюю дверь.

Гульсим лежала, обмякнув после очередной схватки. Щёки ввалились, волосы прилипли ко лбу, глаза были полужакрыты.

— Мы приехали... — быстро, почти сбивчиво заговорил он, наклоняясь к ней. — Всё, мы приехали, слышишь? Ещё чуть-чуть. Потерпи, родная. Сейчас тебя посмотрят. Сейчас помогут.

Он осторожно просунул руки под её спину и под колени. Тело показалось ему странно тяжёлым, будто вместе с ней на руки легла вся её боль.

— Самат... быстрее... — выдохнула она, цепляясь паль-

цами за его плечо. — Быстрее... пожалуйста...

Он поднял её и захлопнул дверь машины ногой.

Ступени до входа были всего в нескольких шагах, но эти шаги показались ему бесконечными. Ветер толкал его в бок, подошвы скользили на мокрой плитке, рука Гульсим то судорожно сжималась на его куртке, то ослабевала. Её лицо было у самого его плеча, и он слышал прерывистое дыхание — короткое, неровное, чужое от боли.

— Всё будет хорошо, — повторял он, уже сам не замечая, что говорит одно и то же. — Слышишь? Всё будет хорошо... ещё немного... я здесь... я рядом...

Но на этот раз она не ответила.

И это молчание было громче любого крика. Рука на его плече вдруг ослабла.

Тело стало тяжёлым и неподвижным.

Самат резко остановился прямо перед дверью.

— Гульсим?

Он чуть отстранился, пытаясь увидеть её лицо.

Голова безвольно опустилась назад. Глаза закрылись. Губы побелели.

— Гульсим?!

Он толкнул плечом дверь и ворвался внутрь.

Тёплый воздух роддома обжѐг лицо после улицы. Пахло хлоркой, лекарствами, мокрой тканью, чем-то металлическим и больничным — тем самым запахом, в котором всегда есть и надежда, и страх.

У стойки сидела молодая медсестра в белом халате. Неподалѐку, у двери в другой коридор, дежурный врач разговаривал с санитаркой.

Самат почти выкрикнул:

— Помогите!

Врач обернулся сразу.

Одного взгляда на Гульсим ему хватило.

— Потеря сознания? Срок какой? Когда начались схватки? — быстро бросил он на ходу, уже двигаясь к ним.

Самат тяжело дышал.

— Схватки... давно... она... она сейчас потеряла сознание... Доктор, пожалуйста...

Врач одной рукой коснулся запястья Гульсим, другой приподнял ей веко, коротко посмотрел на лицо и сразу рывкнул в коридор:

— Каталку сюда! Живо! Позовите акушера! И анестезиста предупредите!

Медсестра сорвалась с места. Колёса каталки скрипнули, когда её резко потянули вперёд. Из соседнего кабинета убежала ещё одна медсестра, на ходу натягивая перчатки.

— Осторожно, кладём на спину... нет, под голову выше... держите здесь, — быстро говорила она.

Самат осторожно опустил жену на каталку, но руки не отпускали её до последнего, будто одно лишнее движение могло окончательно отнять её у него.

— Доктор... — голос его дрожал. — Пожалуйста... спасите её... и ребёнка... пожалуйста... Врач положил ладонь ему на плечо — коротко, по-рабочему, но не без человеческого тепла.

— Мы сделаем всё, что сможем.

Потом уже жёстче, врачебным голосом:

— В операционную. Быстро. Каталка рванулась с места. Её колёса загрохотали по стыкам пола. Самат пошёл рядом, почти бегом, не отрывая глаз от её лица, которое тряслось в такт движению каталки.

Коридор тянулся длинным белым рукавом. Двери по бо-

кам мелькали подряд. С потолка лился резкий свет.

Перед тяжёлой дверью с матовым стеклом врач внезапно остановил Самата рукой.

— Дальше нельзя.

Самат не сразу понял слова.

— Я... я с ней...

— Дальше нельзя, — повторил врач уже короче. — Ждите здесь.

Медсёстры быстро вкатили каталку внутрь. Последнее, что он увидел, — край одеяла, белую руку Гульсим, соскользнувшую в сторону, и чей-то торопливый жест, поправляющий кислородную маску.

Дверь закрылась. Глухо.

Как приговор.

Будто с той стороны двери осталась не только его жена, но и всё то будущее, которое ещё минуту назад казалось возможным.

Несколько секунд он стоял неподвижно, уставившись на матовое стекло. Потом медленно отступил на шаг, прислонился спиной к холодной стене и сполз вниз.

Пол оказался ледяным даже сквозь ткань брюк.

В коридоре снова стало почти тихо. Где-то далеко звонил телефон. В соседнем помещении скрипнула дверь. За стеной раздался глухой металлический стук — возможно, поставили инструментальный столик или передвинули штатив. Из-под двери тянулась узкая полоска света.

Самат сидел, опустив голову, и всё его существо превратилось в одну единственную просьбу.

«Пусть только будут живы...

О Аллах... пусть только будут живы... Оба...»

Он не знал, сколько прошло времени.

Минуты здесь теряли смысл. Они не шли — они тянулись, как больной, бесконечный звук, который невозможно прервать.

Иногда ему казалось, что он слышит часы. Но потом он понимал: это не часы. Это его сердце стучит где-то в горле, в висках, в груди — так часто и глухо, что невозможно было различить, что происходит внутри, а что снаружи.

Он вставал. Проходил несколько шагов до окна. Возвращался. Снова садился. Снова вставал. Тёр ладони, пытался выровнять дыхание, но оно всё равно сбивалось. Раз за разом он смотрел на дверь. Как будто если смотреть достаточно долго, она откроется быстрее.

Но дверь оставалась закрытой.

И снова перед глазами вставало лицо Гульсим. Не такое, как сейчас.

Другое. Живое.

Она смеётся, когда поправляет волосы. Смотрит на него искоса, делая вид, что сердится. Ночью тихо спрашивает, как они назовут ребёнка, если родится сын. Сидит у окна, положив ладонь на живот, и говорит, что малыш слишком много шевелится.

А потом — другое лицо. То, которое было в машине.

Бледное. Искажённое болью. С закрытыми глазами. Самат зажмурился и с силой прижал кулаки ко лбу.

«Почему я не привёз её раньше?»

Почему не заметил, что ей так плохо? Почему ждал?»

Чувство вины было вязким, как тёмная вода. Оно медленно поднималось изнутри, заполняя всё.

Он вспомнил, как ещё дома говорил ей:

«Ничего, ещё есть время».

Вспомнил, как успокаивал её в машине:

«Всё будет хорошо».

Вспомнил собственный голос — уверенный, почти упрямый. И теперь эти слова казались ему пустыми.

Самат поднял голову и посмотрел в потолок. Белый. Гладкий. Безжалостный.

Он попытался удержать перед собой другую картину. Первый детский крик.

Усталую улыбку Гульсим. Тёплую палату.

День, когда они втроём поедут домой. Он впереди, она с ребёнком сзади.

И дома будет пахнуть молоком, тёплым хлебом и новой жизнью. Он даже почти увидел это.

Почти почувствовал, как маленькие пальцы сжимают его руку. Но чем яснее становилась эта картина, тем тяжелее было дышать.

Потому что где-то под ней, как чёрная трещина под тонким льдом, жило другое чувство.

Предчувствие.

Тёмное. Глухое. Упорное. Оно не уходило.

По коридору пробежала медсестра. Белые подошвы мелькнули по линолеуму, халат взметнулся, край папки ударил её по бедру. Самат резко поднялся, думая, что она идёт к нему.

Но она промчалась мимо. Даже не посмотрела.

Он снова остался один.

Коридор сделался ещё холоднее, чем был.

Словно стены, пол, лампы, двери — всё вокруг затаилось и ждало чего-то, чего он сам боялся назвать.

За матовым стеклом что-то двигалось. Тени мелькнули и исчезли. Потом всё замерло. Самат стоял, не чувствуя ног.

И вдруг дверь операционной со слабым скрипом приоткрылась. Он вздрогнул.

Сердце глухо ударило в груди. Изнутри хлынул ещё более яркий свет.

На пороге показался врач в белом халате. Лицо его было тяжёлым.

Слишком тяжёлым для хороших новостей.

Скорая помощь

Сирена тянулась сквозь ночь непрерывно, будто разрезая тишину на длинные, болезненные полосы. Звук отражался от пустых домов, мокрого асфальта, возвращался обратно и снова

накрывал машину, не давая ни секунды покоя. Скорая шла быстро, на пределе, и каждый поворот чувствовался телом.

Внутри было тесно и жарко, несмотря на холод снаружи. Воздух казался тяжёлым — смесь лекарств, влажной ткани и напряжения, которое невозможно было проветрить.

Айман не могла лежать — она сидела, согнувшись, будто пыталась удержать внутри себя эту боль. Схватка пришла резко, без предупреждения: сначала тянуло снизу, потом сжимало сильнее, глубже, и в какой-то момент становилось невозможно дышать. Она замирала, пальцы соскальзывали по ткани носилок, цеплялись за ремень, поясницу пронзало так, будто разламывали изнутри.

Она открывала рот, чтобы закричать, но крик не выходил — только короткий, сдавленный звук. И снова тишина. Айман дышала рвано, пыталась выровнять дыхание. Грудь сжималась. А тело начинало дрожать, как от холода, хотя внутри всё горело. На секунду боль отпускала, и тогда она открывала глаза, но видела лишь свет, движение, тени — всё расплывалось.

Рядом сидел Кайсар и держал её крепко за руку. Ладони у него были холодные и влажные, по вискам стекал пот.

— Айман... смотри на меня... ещё немного... мы почти приехали... — говорил он быстро, сбиваясь, больше для себя, чем для неё. Молчать он не мог: в тишине приходили мысли, а думать сейчас было страшнее всего.

Она на мгновение смотрела на него и едва заметно кивала. И в ту же секунду новая схватка накрывала сильнее предыдущей. Она резко втягивала воздух, тело напрягалось, и на этот раз крик вырывался — короткий, резкий, сразу обрывался, но этого было достаточно. Кайсар вздрагивал, будто этот крик прошёл через него.

Машину тряхнуло на яме. Он не выдержал, подался вперёд:

— Осторожнее! Вы что делаете?! Водитель не обернулся:

— Дорога такая.

— Тогда быстрее! — голос Кайсара сорвался. — Ей больно!

Врач на переднем сиденье повернулся вполоборота. Лицо у него было уставшее, но спокойное.

— Мы и так едем максимально. Ещё немного.

Эти слова повисли в воздухе. «Ещё немного» — и время будто растянулось. Кайсар стиснул зубы, вернулся к Айман, снова взял её за руку.

— Слышишь?.. сейчас... — тихо сказал он. — уже рядом... Она не ответила — снова была в боли.

Сирена оборвалась резко. Машина затормозила. Тело по инерции подалось вперёд. Двери распахнулись, и холод ворвался внутрь — живой, с запахом ночи и сырой земли.

— Приехали, — сказал врач, уже выскакивая наружу.

Кайсар поднял Айман: она не стояла — держалась за него, ноги подкашивались. Они вывели её, поддерживая с двух сторон. Каждый шаг давался через усилие, через сбитое ды-

хание. Впереди — роддом, белый свет, резкий, почти чужой, но сейчас единственный возможный.

Двери открылись. Они вошли, и всё сразу стало тише и чётче: шаги глухо отдавались по полу, свет сверху делал лица бледнее, движения — резче.

Айман повели вперёд быстро. Кайсар шёл рядом, не отпуская.

— Всё... мы здесь... — сказал он, почти шёпотом. И вдруг врач остановился и повернулся к нему.

— *Дальше нельзя.*

Слова были простыми, но окончательными. Кайсар не сразу понял.

— В смысле?

— Вы остаётесь здесь.

— Нет. Я с ней.

Он сделал шаг, но врач уже стоял между ними.

— Это не обсуждается.

Тишина повисла на секунду. Айман тихо позвала:

— Кайсар...

Он обернулся. Она смотрела на него — уставшая, блед-

ная, но удивительно спокойная.

— Послушай врача... всё будет хорошо...

Она сказала это уверенно, и от этого стало только хуже. Потому что он не чувствовал, что будет хорошо. Совсем.

Он смотрел на неё, пытался что-то сказать и не находил слов. В итоге только кивнул.

Её уже уводили дальше, к двери в конце коридора. Она исчезла за ней. Дверь закрылась глухо, и этот короткий звук остался в нём.

Кайсар стоял, глядя на дверь, будто она сейчас откроется снова. Но ничего не происходило. Он отступил, медленно сел на скамью, сцепил руки, опустил голову и попытался дышать ровно

— не получилось. В груди тяжело сжималось что-то невидимое, и он впервые ясно понял: сейчас от него ничего не зависит.

И от этого стало по-настоящему страшно.

Операционная

Свет здесь был другим.

Не тёплым, как в коридоре, и не мягким, как в палате. Он

был резким, почти безжалостным

— холодные лампы под потолком били прямо вниз, хватывая каждую деталь: складки простыни, блеск металлических инструментов, влажный отблеск на коже.

Воздух был плотным от запаха антисептика. Острый, стерильный, он будто выжигал всё живое, оставляя только чистоту... и правду.

Где-то рядом тихо работал аппарат. Ровный, механический звук.

На секунду тишина... и снова звук. Он не был громким.

Но в этой тишине казался слишком отчётливым.

Тишина в операционной была не обычной.

Это была та тишина, которая приходит не до... а после. После усилия.

После борьбы.

После того момента, когда уже ничего нельзя изменить. Все, кто находился в комнате, стояли неподвижно.

Не потому что не знали, что делать.

А потому что уже сделали всё, что могли. И теперь оставалось только принять.

На операционном столе лежала Гульсим.

Тело её было аккуратно укрыто простынёй, только лицо

оставалось открытым. Под ярким светом оно выглядело почти спокойным. Даже слишком.

Будто она просто уснула. Ресницы неподвижны.
Губы чуть приоткрыты.

На виске прилипла тонкая прядь волос.

Казалось, стоит лишь подождать ещё немного — и она вдохнёт. Но никто не ждал.

Потому что все здесь знали. Жизнь уже ушла.

Рядом стоял врач. Он не двигался.

Только смотрел.

Его руки всё ещё были в перчатках. На одной — почти незаметное тёмное пятно, которое не успели стереть. Халат чуть помялся на плечах, маска сползла вниз, открывая уставшее лицо.

Он провёл в этой комнате не один час. И сейчас это было видно.

Не по словам. По взгляду.

В нём не было паники. Не было суеты.

Только тяжёлое, молчаливое понимание.

Позади него одна из медсестёр осторожно принимала ребёнка.

Младенец был завёрнут в стерильную ткань, слишком

большой для его крошечного тела. Он был тёплым. Живым.

Его грудь едва заметно поднималась и опускалась. Он не плакал.

Только иногда тихо втягивал воздух, будто ещё не до конца понял, куда попал.

Медсестра прижала его ближе к себе, инстинктивно, как делают это все, кто хоть раз держал в руках новорождённого.

Её пальцы слегка дрожали.

Она повернула голову в сторону операционного стола — и тут же отвернулась. Вторая медсестра стояла у инструментального стола.

Металл холодно блестел под светом ламп. Щипцы, зажимы, ножницы — всё лежало в строгом порядке. Она делала вид, что проверяет их, перекладывает, приводит в порядок.

Но руки выдавали её.

Движения были слишком медленными. Слишком осторожными.

Как будто она боялась лишним звуком нарушить то, что уже произошло. Врач наконец закрыл глаза.

На секунду.

Глубоко вдохнул.

Этот вдох был не для работы. Он был для себя.

Чтобы удержать внутри то, что уже подступило. Усталость.

Сожаление.

И та тихая, тяжёлая мысль, которую врачи не произносят вслух:

Мы сделали всё... и этого оказалось недостаточно.

Он открыл глаза и посмотрел на медсестру с ребёнком.

— Как он? — тихо спросил он.

— Дышит стабильно, — ответила она, почти шёпотом. — Слабый, но держится. Врач кивнул.
Медленно.

— Перенесите его в детскую. Под наблюдение.

И... — он сделал короткую паузу, — не оставляйте одного.

— Хорошо, — так же тихо ответила она. Она ещё раз взглянула на Гульсим.
На её лицо.

Потом аккуратно поправила ткань вокруг ребёнка и направилась к выходу в другой коридор — не к той двери, за которой ждал Самат.

Другой путь.

Другая сторона этой истории.

Дверь тихо открылась и закрылась за её спиной. Звук почти исчез в общем молчании.

В операционной стало ещё тише.

Теперь здесь остались только те, кто видел всё до конца. Врач медленно снял перчатки.

Резина тихо щёлкнула, когда он стянул их с пальцев. Он бросил их в металлический лоток — тот глухо звякнул, слишком громко для этой тишины.

Он провёл рукой по лицу. Остановился.

И снова посмотрел на Гульсим. На этот раз — дольше.

Не как врач. Как человек.

— Простите... — почти неслышно сказал он. Не кому-то конкретно.

Просто... в пространство. Потом выпрямился.

Плечи его чуть опустились, но взгляд стал твёрже. Работа закончилась.

Оставалось самое тяжёлое.

Он подошёл к двери, ведущей в коридор. К той самой.

За которой сейчас стоял человек, всё ещё верящий, что через несколько секунд услышит первый крик своего ребёнка... и увидит живую жену.

Врач остановился перед дверью. Рука легла на ручку.

Он не сразу её повернул. На секунду закрыл глаза.

Словно собирая в себе слова, которых не существует. Потом медленно открыл дверь.

И шагнул навстречу тому, что уже нельзя было изменить.

Холодный коридор

Дверь операционной открылась не сразу.

Сначала из-за неё вырвался узкий клин яркого света, ещё более резкого и белого, чем свет в коридоре. Потом в проёме показалась фигура врача.

Он вышел один. Без ребёнка.

Без медсестры.

Без суеты.

И уже этого оказалось достаточно, чтобы внутри у Самата всё сжалось.

Он резко поднялся со скамьи, на которую опускался уже не помня, сколько раз за эту ночь. Колени сначала будто не послушались, но он тут же выпрямился и шагнул вперёд. Он смотрел не на лицо врача — сначала он смотрел ему за плечо, в щель двери, будто надеялся увидеть там движение, услышать голос, уловить хоть что-нибудь живое, человеческое, успокаивающее.

Но за дверью снова показалась только белизна света и тень чьей-то спины, тут же исчезнувшая в глубине операционной.

Врач аккуратно притворил дверь за собой.

И этот тихий, почти незаметный звук вдруг прозвучал для Самата слишком громко. Он сглотнул.

Губы у него пересохли ещё сильнее.

— Доктор?.. — голос прозвучал хрипло. — Что?.. Что там?.. Врач посмотрел на него долго. Слишком долго.

На его лице не было ни торопливого облегчения, ни деловой сухости. Только усталость. Та тяжёлая усталость, которая бывает у человека не после долгой работы, а после того, как он сделал всё, что мог, и всё равно оказался бессилён.

Под глазами у него легли тени. На воротнике халата виднелась чуть заметная складка, словно он не раз резко поворачивал голову этой ночью. На рукаве осталось сероватое пятно от чего-то влажного, уже подсохшего. На пальцах, которыми он держался за край халата, едва заметно дрожали мышцы.

И всё это Самат увидел сразу.

Увидел — и испугался ещё сильнее. Врач осторожно выдохнул.

— Ваш ребёнок жив, — сказал он негромко.

Эти три слова ударили в Самата неожиданно сильно. Не радостью сразу.

Сначала — воздухом.

Будто он слишком долго не дышал и только сейчас наконец вдохнул.

Плечи его дрогнули. Он на секунду закрыл глаза. Ладонь сама собой скользнула к лицу. Он прижал пальцы ко лбу, потом опустил руку и быстро переспросил, будто боялся, что ослышался:

— Жив?..

— Да, — ответил врач. — У вас сын. Сын.

Слово повисло между ними.

И на одно короткое мгновение весь этот коридор, вся эта ночь, все страхи, скрип каталки, запах хлорки, свет ламп — всё это словно отступило назад. Перед Саматом встала другая картина: маленький свёрток, тёплые крошечные пальцы,

Гульсим, устало улыбающаяся ему с кровати, и он сам, наклоняющийся над ними обоими.

На секунду мир будто снова стал возможным.

Сердце так сильно ударило в груди, что ему стало больно. Он сделал ещё шаг.

— А Гульсим? — спросил он сразу. Быстро. Почти жадно. — Она... где она? Её уже перевели? Я могу к ней пойти?

Врач не ответил.

И вот теперь радость исчезла. Не постепенно.

Сразу.

Как будто кто-то задул свет, едва он вспыхнул. Самат замер.

Он даже не моргнул.

Врач опустил взгляд. Потом снова поднял его — уже прямо на Самата.

— Мы сделали всё, что могли, — произнёс он. И в тот же миг Самат понял.

Ещё до следующих слов. Понял телом.

По тому, как похолодели ладони.

По тому, как резко провалилось что-то внутри живота. По

тому, как в ушах появился тонкий, протяжный звон.

— Нет... — едва слышно сказал он. Скорее выдохнул, чем произнёс.

Врач продолжал говорить. Спокойно, осторожно, как говорят с человеком, в которого нельзя бросать правду сразу целиком.

— Роды были очень тяжёлыми. Когда вашу жену доставили, состояние уже было критическим. Мы пытались стабилизировать её. Подключили кислород. Начали экстренную помощь. Затем пришлось немедленно оперировать, потому что иначе мы потеряли бы обоих...

Самат слушал — и не слышал. Слова доходили до него кусками.

«тяжёлые»

«критическое»

«экстренная помощь»

«потеряли бы обоих»

Ему казалось, будто врач говорит из другого конца длинного тоннеля.

— Простите, — тихо сказал врач. — Нам не удалось её спасти. Вот теперь всё замерло окончательно.

Не только внутри него.

Будто весь коридор застыл вместе с ним.

Даже лампы под потолком как будто начали светить тише. Самат смотрел на врача и не двигался.

Он не закричал сразу. Не схватился за голову. Не бросился к двери.

Он просто стоял.

И в этом неподвижном стоянии было что-то страшнее любого крика.

Потому что в такие секунды человек ещё не верит.

Правда уже вошла в него, но сердце ещё не соглашается её принять.

— Нет, — сказал он чуть громче. Голос дрогнул. Он покачал головой.

— Нет... нет... подождите...

Он смотрел на врача, как будто тот мог сейчас поморщиться, устало потереть лицо и сказать:

«Я ошибся. Простите. Она жива. Всё в порядке».

Но врач не говорил этого. Самат сделал ещё один шаг. Теперь они стояли совсем близко.

— Она разговаривала со мной, — быстро заговорил он, и голос его начал срываться. — Она же разговаривала... Она была в сознании... Она только что была жива... Я привёз её сам... Я нёс её сюда... Как это — не спасли? Как это может быть?..

Последние слова он уже почти выкрикнул. Врач не отводил взгляда.

— *Мне очень жаль.*

И только после этих слов Самат закричал. Не сразу громко. Сначала глухо, сдавленно, будто этот крик слишком долго рвался наружу и застрял где-то в груди.

— *Нет...*

Потом сильнее.

— *Нет!*

А потом — во весь голос, так, что у дальней стены обернулась санитарка с металлическим ведром в руках, а из соседнего коридора выглянула испуганная молодая медсестра.

— **НЕ-Е-ЕТ!!!**

Крик ударился в стены.

Отразился.

Звенел под потолком. Сорвался в хрип.

Самат отшатнулся назад, налетел спиной на стену и тут же снова шагнул вперёд, уже не замечая, что делает.

— Вы врётё!.. — выдохнул он. — Вы... вы врётё мне... Нет... Нет... Не может быть... Не она... не Гульсим...

Имя жены прозвучало совсем иначе. Не как имя.

Как последняя нитка, за которую он ещё пытался держаться. Он закрыл лицо ладонями, но тут же резко опустил руки.

Ему было мало воздуха.

Он расстегнул воротник рубашки, вдохнул, не смог вдохнуть до конца, снова вдохнул. Ничего не помогало.

Горло сжалось.

Глаза налились слезами так быстро, будто боль нашла самый короткий путь наружу.

— Я же... — он захлебнулся. — Я же обещал ей... Я сказал... я сказал, что всё будет хорошо...

И вот здесь в его лице что-то окончательно сломалось. Не мужество.

Не выдержка.

А та самая внутренняя опора, на которой человек держится, пока верит, что ещё может что-то исправить.

Он больше ничего не мог исправить. И именно это было страшнее всего.

Он медленно сполз взглядом вниз, на свои руки. Пустые.

Гульсим больше не было. Был ребёнок.

Сын. Живой.

И мысль об этом вдруг пришла не как радость. Как удар.

Самат резко зажмурился.

Внутри одна за другой, как молнии, вспыхнули мысли, каждая страшнее предыдущей. Теперь он один.

Теперь этот ребёнок останется со мной. А её — нет.

Я не справился с ней. Как я справлюсь с ним? Что я скажу людям?

Как я войду домой без неё?

Как я буду смотреть на него, зная, что она умерла в ту ночь, когда рожала его? Эти мысли не были оформлены до конца.

Они не были логичны.

Они просто били.

Одна за другой.

И каждая из них делала его слабее.

Он не был человеком, хладнокровно решившим оттолкнуть ребёнка. Нет.

В эту секунду он был раздавлен. Разбит.

Испуган.

И где-то под всей этой болью уже шевелился первобытный, стыдный, но очень человеческий страх перед тем, что теперь на него обрушится жизнь, которой он не просил такой ценой.

Он почувствовал отвращение не к ребёнку. К себе.
К собственной беспомощности.

К этой беспощадной подмене, которую не мог принять разум: вместо неё — он. Самат резко повернулся к двери операционной.

Как будто хотел ворваться туда.

Как будто ещё можно было что-то изменить, кого-то звать, кого-то просить, кого-то умолять. Но дверь оставалась закрытой.

Мёртвой.

Неподвижной.

И в этот момент в дальнем конце коридора появилась медсестра.

Она шла быстро, но осторожно, прижимая к груди свёрток. На руках у неё был ребёнок — тот самый мальчик, уже завёрнутый плотнее, с маленькой белой шапочкой на голове.

За ней торопливо шла ещё одна, постарше, что-то тихо ей говоря про детское отделение, про осмотр, про наблюдение.

Самат увидел ребёнка сразу.

И застыл.

Всё внутри него вдруг натянулось.

Медсестра тоже заметила его. Она замедлилась, инстинктивно прижала младенца ближе и перевела взгляд на врача, словно ожидая указаний.

— Ребёнка нужно перевести под наблюдение, — сказал врач, всё ещё не спуская глаз с Самата. — Позже оформим документы. Сейчас не—

Он не успел договорить.

Самат сорвался с места так резко, что молодая медсестра вскрикнула. Он подбежал к ней в два шага.

— Дайте! — голос его был хриплым, чужим.

— Нет, подождите, вам сейчас нельзя, — испуганно сказала она, невольно отступая. — Ребёнок ещё должен—

Но Самат уже протянул руки. Не аккуратно и не мягко.

А судорожно.

Как человек, который не знает, что делает, но знает, что если сейчас не схватит — потеряет и это.

Медсестра попыталась удержать младенца покрепче.

— Пожалуйста, успокойтесь! — резко сказала старшая. — Вы в шоковом состоянии! Так нельзя! Осторожно!
Врач шагнул вперёд.

— Самат, остановитесь! Мы вам его отдадим позже. Сейчас его надо... Но эти слова утонули в общем движении.
Самат уже вырывал ребёнка. Свёрток качнулся.
Младенец тонко заплакал.

Медсестра испуганно ахнула и ослабила хватку, боясь сдавить его сильнее. И в ту же секунду Самат выхватил сына из её рук и прижал к груди.

Слишком крепко.

Слишком резко.

Но сразу же инстинктивно поправил свёрток, поддержал голову, как будто тело само помнило, что ребёнка надо держать осторожно, даже если разум уже ничего не понимал.

— Не подходите! — выкрикнул он. Голос его сорвался на хрип.

Он стоял, тяжело дыша, с ребёнком на руках, и в глазах у него была не жестокость. Ужас.

Живой, голый ужас человека, который за один час поте-

рлял жену, обрёл сына и не может вынести ни того, ни другого.

— Я... — он сглотнул. — Я сам... Но продолжения не было.

Он не знал, что «сам». Сам вынесет?

Сам справится?

Сам решит?

Сам сбежит?

Он и сам этого не знал.

Он только чувствовал, что если сейчас отдаст ребёнка обратно в чужие руки — то останется совсем один, окончательно, страшно, непоправимо.

А этого он уже не мог выдержать.

— Самат, — голос врача стал жёстче, — остановитесь. Вы сейчас не в себе. Дайте ребёнка.

Его нужно осмотреть, измерить температуру, провести первичный уход—

— Нет!

Ответ прозвучал мгновенно. Слишком быстро.

Как ответ не на слова врача, а на саму жизнь.

— Не трогайте меня! — крикнул он. — Не трогайте... никто... Слёзы текли по его лицу уже без остановки.

Он смотрел то на врача, то на дверь операционной, то на свёрток у себя на руках. И в этом взгляде было всё сразу: боль,

растерянность, отчаяние, вина, и та страшная слабость, из которой потом рождаются чудовищные решения. Он отступил назад.

Шаг.

Ещё один шаг.

Потом резко развернулся.

— Стойте! — крикнула старшая медсестра. Но Самат уже шёл прочь.

Сначала быстро.

Почти шатаясь.

Потом ещё быстрее.

Младенец снова заплакал.

Плач был тонким, надтреснутым, беспомощным.

Он резал коридор так же, как минуту назад крик Самата. Врач сделал шаг следом.

Остановился.

Посмотрел на медсестёр. На дверь.

Снова на удаляющуюся фигуру мужчины, который прижимал к груди ребёнка так, будто спасал его... и одновременно сам не знал, от чего спасает.

А Самат шёл всё дальше.

И каждый его шаг был шагом человека, который уже начал рушиться изнутри — но ещё не до конца понял, во что превратится эта ночь.

Тяжелое решение

Свет в палате был ровным и холодным. Он не резал глаза, но делал всё слишком ясным, будто не оставлял ни одной вещи права спрятаться в тени — ни складки простыни, ни бледность лица, ни собственные руки.

Айман лежала неподвижно.

Тело ещё не вернулось к ней полностью. Боль уже ушла, но оставила после себя пустоту, тяжесть, странную слабость, от которой трудно было даже глубоко вдохнуть. Дыхание сбивалось — то становилось слишком частым, то вдруг задер-

живалось, как после долгого, изнуряющего пути.

Ребёнок лежал у неё на руках. Она не сразу посмотрела на него. Сначала просто держала.

Чувствовала.

Тепло, которое исходило от него, было другим — не таким, как от собственного тела. Оно было живым, отдельным, и в этом была какая-то тихая, почти пугающая правда.

Только потом она опустила взгляд. И остановилась.

Он был совсем маленький.

Кожа тонкая, чуть покрасневшая, будто ещё не привыкшая к воздуху. Тёмные влажные волосы прилипли к голове. Глаза закрыты. Губы едва заметно шевелились, как будто он искал что-то во сне, сам не понимая что.

Он не плакал.

Только иногда вздрагивал.

И каждое такое движение отзывалось у неё в руках. Айман медленно протянула пальцы и коснулась его щеки. Мягко.

Почти не дыша.

Он едва заметно дёрнулся.

И в этот момент внутри неё что-то сжалось. Не боль.

Гораздо глубже.

Она вдохнула — резко, будто не ожидала этого — и задержала дыхание, словно боялась спугнуть то, что только что появилось.

Это был её ребёнок.

Мысль не оформлялась словами. Она просто была.

И от этого становилась ещё сильнее.

Рядом стояла медсестра. Она что-то записывала, поправила край одеяла, коротко взглянула на них — без лишнего участия, но и без холодности, как человек, который видит такие моменты каждый день и всё равно понимает их цену.

Айман подняла на неё глаза не сразу. Будто возвращалась откуда-то изнутри.

— Позовите... мужа... Голос вышел тихим.

Но ровным.

Медсестра кивнула и вышла. Дверь закрылась.

Айман снова опустила взгляд.

Теперь она уже не просто смотрела. Она запоминала.

Каждую линию. Каждое движение.

Пальцы ребёнка едва заметно шевельнулись.

Она осторожно взяла его руку. Маленькие пальцы слабо

сжали её палец. И этого оказалось достаточно, чтобы внутри всё снова дрогнуло.

Айман наклонилась ближе. Её дыхание коснулось его лица. На секунду ей захотелось остановить всё.

Не думать.

Не вспоминать.

Не знать, что будет дальше. Просто остаться здесь.

С ним.

Но эта мысль не удержалась. Она исчезла почти сразу.

Потому что за ней стояло другое. То, от чего невозможно было отвернуться. Айман закрыла глаза лишь на мгновение.

И сразу открыла их. Она больше не позволяла себе уходить от этого. Смотрела прямо. И в этом взгляде уже было понимание.

Не словами. Глубже.

Она прижала ребёнка чуть сильнее. Очень осторожно. Так, будто уже знала — долго держать его не сможет.

В коридоре было прохладно. То ли от холода, то ли от пустоты, которая в нём стояла. Никто толком и не знал. Но она была, и она чувствовалась кожей, как будто стены сами держали эту тишину и не выпускали её.

Кайсар сидел на жёсткой скамье, сцепив руки так сильно, что побелели пальцы. Он не двигался. Только иногда мед-

ленно выдыхал, будто проверял, что всё ещё держится, что не развалился прямо здесь.

Мысли не останавливались. Они возвращались к одному и тому же, как будто не давали ему забыть ни одной детали. Сначала он пошёл к своим. К тем, кого всю жизнь называл семьёй.

Его выслушивали. Не перебивали. Кивали. Говорили правильные слова — спокойные, мягкие, почти заботливые.

«Мы понимаем.»

«Сейчас всем тяжело.»

«Ты держись.»

И в этих словах было всё, кроме помощи.

Но самое смешное — никто из них не сказал «да».

А один даже не впустил его в дом. Они стояли на пороге — разговор короткий, сдержанный. Человек говорил быстро, будто боялся, что если задержится ещё на минуту, придётся брать на себя чужую беду.

Потом были другие. Чужие.

Там всё было проще.

Слушали меньше. Смотрели холоднее. Отказывали

быстрее. Без лишних слов.
Последняя дверь так и не открылась.

Он стоял перед ней дольше, чем нужно. Сначала ждал. Потом уже просто стоял. Смотрел на эту закрытую дверь, как будто она могла передумать.

Но она не открылась.

И тогда он впервые по-настоящему понял — идти больше некуда. Вечером пришли те, кому они были должны.

Они не торопились. Не стучали громко. Не требовали. Просто вошли.

Осмотрелись.

Как люди, которые уже всё решили и пришли не обсуждать. Один из них задержал взгляд на Айман.

На её животе.

И едва заметно улыбнулся.

— В следующий раз мы заберём всё. Сказано было спокойно.

Почти безразлично.

И от этого становилось только тяжелее.

Кайсар тогда не ответил. Не потому что не хотел.

Потому что понял — это не разговор. Это срок.

И именно тогда впервые появилась мысль. Он сразу оттолкнул её.

Слишком страшная. Слишком чужая. Но она вернулась.

И больше уже не уходила. Сейчас она была здесь.

С ним.

Он сжал руки ещё сильнее, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Дверь открылась.

Звук был негромкий, но в этой тишине он прозвучал резко. Кайсар поднял голову.

И сразу заметил — перед ним стоял врач.

В первое мгновение внутри вспыхнуло облегчение. Резкое.

Почти болезненное. Айман жива.

Эта мысль ударила так сильно, что он на секунду даже не смог вдохнуть. Но радость не удержалась.

Её почти сразу накрыл страх. Тяжёлый.

Глухой.

Тот, который не отпускает.

— Не волнуйтесь. Всё хорошо. Ваша жена зовёт вас. Слова дошли не сразу.

Как будто пробивались через что-то внутри него. Он мед-

ленно перевёл взгляд на дверь.

Туда.

Где теперь была не только она. Но и их ребёнок.

Его сын.

Он не сразу встал.

Потому что понимал — если он сейчас зайдёт, всё станет настоящим.

Не мыслью. Не страхом. А реальностью, от которой уже нельзя будет отвернуться. На короткое мгновение ему захотелось остаться.

Сидеть здесь. Ничего не видеть. Не знать.

Но это длилось всего секунду. Он медленно поднялся и пошёл.

Айман лежала на кровати — уставшая, выжатая до конца, но живая. Это ощущалось во всём: в том, как она дышала, в том, как медленно моргала, будто каждое движение требовало усилия. Рядом с ней был их ребёнок — совсем маленький, ещё не привыкший к этому миру, тихий, почти неподвижный.

Кайсар не подошёл сразу.

Он остановился в нескольких шагах, будто не решаясь пе-

ресечь эту короткую дистанцию. Смотрел. Проверял — не глазами, а чем-то внутри — действительно ли это происходит, не исчезнет ли всё, если он сделает шаг.

Потом всё же подошёл. Медленно.

Осторожно взял ребёнка на руки, будто боялся сделать что-то неправильно. Руки сразу выдали его — дрожали.

— Мальчик?.. — спросил он тихо, не отрывая взгляда.

— Да... — едва слышно ответила Айман. Он смотрел долго.

На маленькое лицо. На закрытые глаза. На губы, которые едва заметно шевелились, как будто ребёнок уже что-то чувствовал, но не мог выразить.

И вдруг на лице Кайсара появилась улыбка. Короткая.

Почти незаметная.

Та, которая приходит сама. И сразу исчезает.

Айман её увидела.

И в этот момент внутри у неё что-то дрогнуло. Надежда.

Слабая. Почти нереальная. Но живая. Она ждала.

Ждала, что он сейчас поднимет глаза. Посмотрит на неё.

Скажет хоть что-то, что разрушит всё это — скажет, что они справятся, что это не конец, что можно иначе.

Кайсар молчал.

Он переводил взгляд с ребёнка на Айман и обратно, будто

искал ответ в них. Губы его чуть приоткрылись, но слова так и не появились.

Потому что он знал.

И она это увидела.

Сразу.

Без объяснений.

Айман медленно опустила глаза.

— Ты ведь пытался... — прошептала она. Он кивнул.

Вспоминать не нужно было. Всё и так стояло перед глазами: закрытые двери, короткие разговоры, чужие взгляды, в которых уже всё было решено за них.

Айман протянула руку и коснулась его руки. Только тогда она почувствовала, как он дрожит. И окончательно всё поняла.

Она отвернулась. Медленно.

Не потому что не хотела смотреть. Потому что не могла.

Как будто отрывала себя от чего-то живого.

Плечи её едва заметно дрогнули. Она пыталась удержаться, но слёзы всё равно текли — тихо, без звука, как будто даже им не позволяла быть громкими.

Кайсар стоял неподвижно. Ребёнок был у него на руках.
Живой.

Тёплый.

Настоящий.

Айман закрыла глаза.

— Мы... не можем оставить его... — сказала она почти шепотом. Слова давались тяжело.

Будто каждый звук нужно было вытянуть из себя.

— Ради него... мы должны отпустить его... Она попыталась вдохнуть глубже.

Но дыхание сорвалось.

— Пусть у него будет жизнь лучше нашей... Кайсар ничего не ответил.

Он смотрел на ребёнка.

И в этом взгляде не было ни злости, ни равнодушия. Только невозможность.

И в этот момент внутри него всё сжалось. Резко.

Как будто что-то попыталось остановить его. На одно короткое мгновение.

Мысль вспыхнула — отказаться от всего, не слушать никого, остаться. Сказать «нет».

Но она не удержалась. Как и раньше.

Айман, не поворачиваясь, прошептала:

— Прости нас...

Плечи её задрожали сильнее.

— Прости... мой мальчик... Кайсар медленно опустил голову. Руки его чуть ослабли.

И в этой тишине уже не осталось ни надежды, ни слов. Только решение.

Которое нельзя было изменить.

Холодный берег

Самат не помнил, как вышел из роддома. Двери сами открылись перед ним.

Холодный воздух ударил в лицо. Шум улицы на секунду вернулся — машины, далёкие голоса, скрип ветра — и тут же снова исчез.

Всё происходило будто не с ним. Будто он смотрел на себя со стороны.

Ребёнок на его руках плакал: тонко, слабо, неровно.

Но этот звук не доходил до него полностью. Он как будто пробивался через плотную стену внутри его головы... и терялся.

Самат шёл.

Шаг за шагом.

Не оглядываясь. Не думая.

Он дошёл до машины, открыл заднюю дверь и осторожно, почти автоматически, положил ребёнка на сиденье.

На секунду задержал руку.

Пальцы коснулись ткани, в которую был завернут младенец.

Тёплый. Живой.

И в этот момент его рука дрогнула. Но только на секунду. Он закрыл дверь.

Обошёл машину. Сел за руль.

Ключ повернулся в замке зажигания.

Двигатель загудел. И вместе с этим звуком внутри него будто что-то окончательно оборвалось. Он резко нажал на газ. Машина рванула вперёд.

Город не сопротивлялся. Он просто остался позади.

Фонари мелькали один за другим — жёлтые пятна света, которые быстро исчезали в зеркале заднего вида. Улицы становились пустыми. Дома — редкими. Дорога — темнее.

И с каждым километром внутри Самата становилось только хуже. Теперь он уже слышал ребёнка.

Слышал — и не мог это вынести. Плач бил по нервам.
Не как раздражение. Как напоминание.
Он жив.

Он есть.

Он теперь со мной.

Самат стиснул зубы. Руки на руле напряглись. Перед глазами стояла только она. Гульсим.

Её лицо.

Её глаза.

То, как она смотрела на него.

То, как сжимала его руку в машине. То, как шептала: «Мне больно...» И его голос: «Всё будет хорошо...» Он резко ударил ладонью по рулю.

— Я обещал... — выдохнул он. Голос сорвался.

— Я же обещал...

Но теперь этих слов уже не было кому сказать. И именно это было невыносимо.

Он ехал быстрее.

Как будто мог уехать от этого. От мыслей.
От памяти.

От самого себя.

Но всё ехало вместе с ним.

Через некоторое время дорога вывела его за город. Фонари закончились.

Осталась только тьма.

И чёрная линия асфальта впереди. Он даже не думал, куда едет.

Просто ехал.

Пока не увидел воду. Озеро.

Тёмное. Спокойное.

Почти чёрное под ночным небом.

Он резко затормозил. Машина остановилась у самого берега. Двигатель ещё работал, но он этого не слышал.

Самат вышел.

Холод ударил сразу.

Ветер прошёл сквозь одежду, до самой кожи.

Но этот холод не чувствовался так, как должен был. Внут-
ри было хуже.

Он открыл заднюю дверь. Наклонился и взял ребёнка.

Осторожно. Уже не так резко, как в больнице. Инстинкт
всё ещё работал. Он прижал его к груди.

Младенец продолжал плакать. Слабее. Но не останавли-
ваясь. Самат пошёл к воде.

Медленно.

Каждый шаг будто давался с усилием.

Земля под ногами была влажной, местами мягкой. Сухие
листья шуршали, цеплялись за обувь. Где-то в камышах за-
шевелилась птица. Ветер гнал по поверхности воды лёгкие
рябые волны.

Он остановился. Смотрел.

Долго.

В эту чёрную, неподвижную глубину. Как будто там мог
найти ответ.

Но ответа не было.

Только тишина.

И этот плач.

Он опустил взгляд на ребёнка. Маленькое лицо.
Закрытые глаза.

Дрожащие губы.

Крошечные пальцы, сжатые в кулак. Самат смотрел на него.

И вдруг внутри снова что-то поднялось. Но это был уже не чистый гнев.

Это было что-то сложнее. Смесь боли... и страха.

Он не ненавидел ребёнка. Он не мог его ненавидеть. Но он и не мог его принять. Не сейчас.

Не так.

Не вместо неё.

— Зачем... — тихо сказал он. Голос прозвучал слабо.
Будто не его.

— Зачем так получилось?.. Он закрыл глаза на секунду.
Слёзы снова пошли.

— Ты... — он посмотрел на ребёнка, но взгляд был растерянный, неуверенный. — Ты же ни в чём не виноват...

Он сказал это — и сам будто не поверил. Слова прозвучали правильно.

Но внутри всё равно было иначе. Он глубоко вдохнул.

Не смог вдохнуть до конца.

— Я не могу... — выдохнул он. Это было не оправдание. Это была правда. Он не мог.

Он чувствовал, как внутри него всё рушится.

Как будто если он сейчас оставит ребёнка у себя — он не выдержит. Сломается окончательно.

И тогда не спасёт ни себя... ни его. Он провёл рукой по лицу.

Потом снова посмотрел на ребёнка. И заговорил.

Тихо.

С паузами.

Сбиваясь.

Будто сам не был уверен в каждом слове.

— Ты... забрал её у меня... Он замолчал.

Покачал головой.

— Нет... не ты... не ты... Он запутался.

Сам себя перебил.

Слова не складывались.

— Просто... так получилось... Он сглотнул.

— Я не знаю, что с тобой делать... слышишь?.. Голос дрожал.

— Я не знаю, как жить дальше... Он снова посмотрел на воду.

Потом — на ребёнка.

— Я... не смогу быть тебе отцом... Эти слова дались тяжелее всего.

Он произнёс их — и будто сразу постарел.

— Я не справился с ней... — тихо добавил он. — Как я справлюсь с тобой?.. Плач не прекращался.

Тихий. Упрямый. Живой.

Самат закрыл глаза.

И в этот момент принял решение. Не разумом и не логикой.

А от усталости и от боли.

От страха перед тем, что он не выдержит. Он медленно опустился на колени.

Аккуратно.

Очень аккуратно положил ребёнка на землю — на сухое место, где меньше влаги, где не дует так сильно.

Поправил ткань.

Закрыл его получше. Руки его дрожали.

Он задержал их на секунду дольше, чем нужно. Потом убрал.

Сразу. Резко.

Как будто если не уберёт — передумает. Ребёнок заплакал громче.

Самат дёрнулся.

Но не взял его обратно.

Он встал.

Отступил шаг назад.

Смотрел.

Долго.

И в этом взгляде не было жестокости. Только разломанный человек.

Который сделал то, чего сам до конца не понимает.

— Тебя найдут... — тихо сказал он. Неуверенно.

Почти как вопрос.

— Кто-нибудь... обязательно найдёт...

Он как будто пытался убедить не ребёнка, а себя.

— Здесь не пусто... — добавил он, оглядываясь, хотя во-
круг была только ночь. — Люди приходят... утром...

Он не знал, правда ли это.

Но ему нужно было во что-то верить. Иначе он бы не
ушёл.

Он ещё раз посмотрел.

Дольше.

Запоминая.

И одновременно стараясь забыть.

— Прости... — сказал он. Почти беззвучно.

И это было единственное слово, в которое он действитель-
но вложил всё. Он развернулся и пошёл к машине.

Шаги были тяжёлыми. Неровными. Он не бежал.

Он уходил.

Каждый шаг — как через что-то. Он сел в машину.

Руки легли на руль.

Но он не сразу завёл двигатель. Он сидел.
Смотрел вперёд.

Не моргая.

Плач всё ещё был слышен. Тонкий и слабый. Но живой.
Он закрыл глаза.

Сильно.

Как будто хотел стереть этот звук.

И в этот момент внутри него что-то окончательно оборвалось. Он понял.

Он больше не вернётся.

Не потому что не захочет. Потому что не сможет.
Если вернётся — он сломается окончательно.

А если сломается — это уже не поможет никому. Ни ему.
Ни ребёнку.

Он открыл глаза.

Завёл двигатель. Машина медленно тронулась. Потом чуть быстрее и быстрее. Плач становился всё тише и тише.
Пока совсем не исчез. Самат не оглянулся. Ни разу.

И это было не потому, что ему было всё равно.

А потому что если бы он оглянулся — он бы уже не смог уехать.

И в ту ночь, вместе с этим поворотом дороги, он потерял не только жену. Он потерял и себя.

Навсегда...

Мост судьбы

Ночь уже давно накрыла город. Огни в окнах редких домов казались далёкими и чужими, а длинный мост через реку тянулся в темноту, будто не имел конца. Кайсар шёл по нему медленно, не разбирая шагов. Под ногами глухо отзвучивался бетон, и этот звук, одинокий и равномерный, почему-то только сильнее подчёркивал пустоту вокруг. На руках у него был ребёнок, завёрнутый в больничную ткань, слишком маленький для этого большого и холодного мира.

Осенний ветер бил в лицо, скользил по шее, забирался под одежду, но Кайсар почти не чувствовал его. Всё, что происходило снаружи, уже не доходило до него так, как должно было. Внизу, под мостом, шла река. Не бешеная, не пенящаяся, а тяжёлая, тёмная, глубокая. Её не было видно целиком — только чёрное движение воды внизу и тот низкий, непрерывный шум, с которым течение проходит под бетонными

пролётами. В этом звуке было что-то страшно равнодушное. Река не знала ни жалости, ни сомнения. Она просто текла вперёд.

Кайсар остановился на середине моста.

Вдалеке, по ту сторону, всё ещё жила обычная жизнь. Где-то горел тёплый свет. Где-то, может быть, открывали двери, ставили чайник, укладывали детей спать. Там были чьи-то дома, чьи-то семьи, чьи-то привычные вечера. А здесь, над чёрной водой, стоял он — человек, у которого не осталось ни опоры, ни ответа, ни права на ошибку.

Он медленно подошёл к самому краю и посмотрел вниз.

Тёмная вода шла под ним медленно и мощно. Она не рвалась, не пенилась, не кричала — в этом и была её страшная сила. Всё, что попадало в неё, исчезало без следа.

Кайсар крепче прижал ребёнка к груди.

Младенец тихо дышал. Иногда едва слышно шевелился, как будто чувствовал холод, движение, чужую боль, хотя ещё ничего не знал о мире. Кайсар опустил на него взгляд и вдруг понял, что всё это время почти не смотрел ему в лицо. В роддоме смотрел, но тогда было другое — страх, Айман, слова, которые невозможно было сказать до конца. А теперь они были вдвоём. Только он и этот ребёнок. Его сын.

В памяти снова прозвучал голос Айман — слабый, сорванный, но такой ясный, будто она стояла рядом:

«Пусть у него будет жизнь лучше нашей...» Кайсар закрыл глаза.

Эти слова били сильнее ветра. Он солгал ей.

Не потому что хотел обмануть. Не потому что был жесток. А потому что в ту минуту не смог разбить в ней последнюю надежду. Никакой богатой семьи не было. Никто не ждал их сына. Никто не обещал дать ему дом, защиту или новую жизнь. Кайсар сказал это, потому что сам хотел в это поверить. Потому что ему нужен был хоть какой-то мостик через ту бездну, в которую они оба уже смотрели. Потому что, глядя на Айман с ребёнком на руках, он не смог произнести правду: я не знаю, как спасти его.

Он снова открыл глаза и посмотрел на сына.

Маленькое лицо. Закрытые веки. Тонкая линия губ. Слабое, ровное дыхание.

— Прости меня... — выдохнул он.

Голос сорвался и почти исчез в ветре.

Он подошёл ещё ближе к краю. Ещё шаг — и достаточно было бы одного движения, одного короткого, страшного решения, после которого ни он, ни мир уже ничего не смогли бы исправить.

Но руки не поднимались.

Он стоял так долго. Настолько долго, что ветер успел выстудить ему лицо, а пальцы начали неметь. Он смотрел вниз и понимал: это не сила воли удерживает его. И не страх за себя. Это был тот последний остаток человечности, который ещё не дал ему переступить черту. Кайсар мог быть человеком, который украл своего же ребёнка. Он мог солгать. Мог уйти. Мог оставить. Но убить — нет. Даже сейчас, даже в этом безумии, даже на краю полного отчаяния.

Он резко отступил назад, будто сам испугался той пропасти, в которую только что заглянул. И в этот момент его взгляд зацепился за что-то у самой воды.

Ниже, у берега, между камней, темнела старая плетёная корзина. Вода подталкивала её, но она не уходила на дно — держалась, слегка покачиваясь, цепляясь боком за прибрежный камень. Кайсар смотрел на неё несколько секунд, не понимая, почему не может оторвать взгляд. Потом внутри вспыхнула мысль.

Слабая.

Отчаянная.

Жалкая.

Но живая.

Не спасение.

Не надежда даже. Только шанс.

Он быстро спустился с моста по узкой тропе, почти не чувствуя, как скользят под ногами камни. Один раз едва не сорвался, схватился за холодный кустарник у обрыва и всё равно пошёл дальше. Внизу было сыро, пахло тиной и холодной водой. Река здесь уже не казалась далёкой — она жила рядом, тяжело дышала у самых ног.

Кайсар нагнулся, поднял корзину и машинально проверил её руками. Плетение было старое, местами размокшее, но дно держало. Внутри оказалось сухо.

Он поставил корзину на плоский камень и долго смотрел. Потом — на ребёнка.

Потом снова на корзину.

Руки его дрожали.

Он медленно, с такой осторожностью, будто одно неверное движение могло разрушить всё, уложил сына в неё. Поправил ткань. Подсунул края под маленькое тело, чтобы не продувало ветром. Задержал ладонь у его головы. Пальцы так и не решались оторваться.

— Прости... — сказал он ещё раз.

Теперь уже не шепотом. Тихо, но ясно.

Он наклонился и поцеловал сына в лоб. Дольше, чем должен был. Как будто хотел этим прикосновением оставить что-то от себя — не память даже, а последнее признание: я не уйду потому, что не люблю; я уйду потому, что проиграл.

Кайсар выпрямился не сразу.

Он смотрел на ребёнка, и внутри его разрывалось сразу всё. Любовь.

Бессилие. Стыд.

Страх.

И та невозможная тоска, которая приходит к человеку, когда он понимает, что сделал выбор не между добром и злом, а между двумя пропастями — и всё равно остался виноват.

Он осторожно опустил корзину на воду. Она качнулась.

На одно короткое мгновение Кайсар замер, испугавшись, что она перевернётся, уйдёт вниз, сразу исчезнет в чёрной глубине. Но корзина удержалась. Вода подхватила её мягко, будто сама знала, что несёт в себе не просто лёгкий предмет, а чью-то жизнь.

Течение повело её от берега. Кайсар стоял неподвижно. Смотрел.

Не моргая.

Каждый метр, на который корзина отходила от него, ощущался в груди почти физической болью. Ему хотелось рвануться вперёд, зайти в ледяную воду, схватить её, вернуть, прижать к себе и больше никогда не отпустить. Но за этим желанием сразу поднималось другое знание — страшное и трезвое. Вернуть значило обречь. Оставить — значило, может быть, дать хоть какую-то возможность судьбе оказаться милосерднее его собственной жизни.

Корзина всё удалялась.

Сначала он ещё различал её плетёные бока. Потом — только тёмный силуэт.

Затем и он начал растворяться. Только тогда Кайсар опустил голову.

Глаза его были полны слёз, но плакать по-настоящему он уже не мог. Внутри всё будто окаменело. Он постоял ещё немного, словно ждал, что кто-то остановит его, окликнет, вернёт назад. Но вокруг была только ночь.

Он развернулся и медленно пошёл прочь. Не потому, что не жалел сына.

А потому, что жалел слишком сильно.

Река несла корзину долго. Сначала быстро, по узкому руслу, где течение ещё держало её в своей власти. Потом вода стала шире, спокойнее. Шум стих, тяжёлый речной ход растянулся, и движение стало мягче, почти качающим. Ночь вокруг была глубокой и холодной. Над водой лежал тонкий туман, и корзина то входила в него, то снова появлялась, будто плыла не по реке, а между мирами.

Дальше река выходила в большое озеро.

Здесь вода уже жила иначе. Она не несла, а принимала. Не толкала, а удерживала. Волны подхватили корзину и начали медленно вести её к берегу, то отводя в сторону, то снова возвращая, словно в этой ночи действовала не только случайность, но и чья-то невидимая воля.

Берег был пустынным. Холодная земля темнела у воды.

Там, у самой кромки, лежал ещё один ребёнок — тот самый, которого несколькими часами раньше оставил другой сломленный человек. Он лежал один, в своей тишине, в своей беде, ещё не зная, что судьба уже делает следующий шаг.

Волна медленно подтолкнула корзину ближе. Потом ещё. Ещё.

И наконец остановила её совсем рядом, будто нарочно подведя одну жизнь к другой. Некоторое время было тихо.

Так тихо, что слышно было только движение воды у берега и слабое, тёплое дыхание двух детей.

Потом ребёнок в корзине заплакал. Тихо.
Почти жалобно.

И этот плач разорвал ночную тишину.

Второй ребёнок вздрогнул, зашевелился и тоже подал голос. Через мгновение на пустом берегу уже звучали два плача.

Два младенца. Две судьбы.

Две боли, пришедшие в этот мир разными дорогами и встретившиеся в одну ночь у одной воды.

Они лежали рядом, ещё ничего не зная друг о друге, ничего не понимая о будущем, которое уже начинало сплетать их жизни в один узел.

А тёмное озеро тихо колыхалось рядом.

И в этой ночной, холодной тишине действительно казалось, что не только люди делают выборы — иногда сама судьба, молча и безжалостно, доводит брошенные жизни до того берега, где им суждено встретиться.

Рассвет с сюрпризом

Раннее утро только начиналось.

Солнце ещё не поднялось полностью, но небо уже налива-

лось мягким, холодным голубоватым светом, от которого всё вокруг становилось чуть тише, чем обычно. Над гладью озера медленно стелился тонкий туман, и в этой бледной дымке вода казалась глубже, чем была на самом деле. Она не двигалась — лишь едва заметно дышала у самого берега, и этот слабый, почти неуловимый звук в утренней тишине слышался отчётливо.

Здесь не было ветра. Воздух стоял ровно, прохладно, и эта прохлада не просто касалась кожи

— она входила внутрь, делала дыхание яснее, а тело собранным.

У самой кромки воды стоял дом.

Крепкий. Спокойный в своих линиях, без лишнего, как будто построенный ради уюта и ради тишины. Он не привлекал к себе внимания, но и не терялся — стоял так, будто знал своё место.

Здесь жил Жанадиль.

Он был уже немолод, но в нём не было ни тяжести, ни усталой рыхлости, которая приходит с возрастом. Высокий, сухой, собранный. В его теле не было ничего лишнего — ни в движениях, ни в форме. Всё выглядело так, будто годы не ослабили его, а лишь убрали всё ненужное.

Дверь открылась.

Жанадиль вышел и остановился на пороге. Он по привычке глубоко вдохнул.

Холодный утренний воздух вошёл глубоко, резко, прошёл через грудь и задержался на мгновение, будто проверяя его изнутри. Затем вышел медленно. Плечи чуть двинулись, спина расправилась сама, и в этом движении не было ни усилия, ни привычной разминки — только точная настройка.

Он сошёл с порога и пошёл вдоль берега. Сначала медленно.

Под ногами мягко пружинила сырая земля, камни у воды отдавали холодом, и каждый шаг ложился точно туда, куда должен был. Он не смотрел вниз — ему не нужно было.

Шаг стал плотнее.

Тело включилось.

Он перешёл на лёгкий бег, но в этом беге не было спешки. Он не разгонялся — он просто позволял телу двигаться так, как оно привыкло.

Иногда он останавливался. Ненадолго.

Стойка возникала сама — короткая, собранная, как будто не для удара, а для проверки равновесия. Рука двигалась следом — быстро, точно, почти без видимого усилия. Воздух перед ним оставался таким же пустым, но в этом движении чувствовалось то, что не исчезает со временем.

Он не тренировался. Он проверял. Проверял, остался ли тем, кем был. И каждый раз ответ был один и тот же.

Тело слушалось его безупречно.

Даже годы не смогли забрать силу, которую он когда-то в него вложил. Они лишь сделали её тише, глубже, экономнее. В нём не осталось ни одного лишнего движения.

Так проходило каждое его утро. Одинаково.

Без новизны.

И именно поэтому это утро тоже начиналось так же спокойно — как будто в нём не могло случиться ничего, что нарушило бы этот порядок.

И вдруг это спокойствие оборвалось. Сначала — не сразу. Не громко. Не резко.

Просто в этой ровной утренней тишине появилось что-то лишнее. Звук.

Тонкий и неровный. Детский плач.

Он не сразу понял, что именно слышит. Просто остановился. Тело замерло раньше, чем появилась мысль. Он стоял и слушал, не двигаясь, как будто боялся спугнуть это ощущение, которое уже изменило всё вокруг.

Плач повторился. Теперь ближе.

И в этой тишине он уже звучал иначе — не как случайный звук, а как что-то, что не должно было здесь быть.

Жанадиль нахмурился.

— Что ещё такое?..

Он не повернул голову сразу. Секунда прошла в неподвижности. Потом взгляд всё-таки сместился — туда, где туман у воды был чуть плотнее.

Снова плач.

Теперь без сомнения.

Он направился туда медленно.

Не потому что не мог быстрее — потому что не хотел ошибиться. Каждый шаг стал точнее, тяжелее. Он больше не просто двигался вдоль берега. Он шёл к этому звуку.

И в какой-то момент он увидел. Сначала — движение.

Что-то маленькое. Почти неразличимое в бледном свете и тумане. Потом — форма.

И только потом понял.

Он остановился.

Два младенца.

Один лежал прямо на земле, у самой кромки воды, где трава уже напиталась холодной влагой. Ткань под ним по-

темнела, прилипла к земле, и от этого он казался ещё меньше, ещё беззащитнее. Второй был совсем рядом — в плетёной корзине, чуть в стороне, но так близко,

что между ними почти не было расстояния. Корзина упиралась боком в маленькие камни, и вода едва касалась её, тихо покачивая, но не унося.

Жанадиль моргнул.

Не потому что не видел — потому что не хотел сразу принять увиденное.

— Что за чертовщина?.. — тихо пробормотал он. — Откуда здесь дети?..

Он огляделся. Сначала туда, где берег уходил в туман, потом ближе — туда, где должны были быть следы. Пусто.

— Эй!.. Есть кто?.. Ответа не было.

Только вода и этот плач.

Именно из-за этого плача пустота вокруг вдруг стала ошутимой, почти давящей. Он стоял дольше, чем нужно. И мысль внутри оформилась быстро и холодно: уйти.

— Не моё дело... — сказал он вслух, потому что внутри это уже звучало как решение.

Он развернулся и пошёл. Не считая шагов — просто отрываясь от этого места. Но почти сразу понял: не уходит. Те-

ло двигалось, а внутри всё оставалось там, у берега. Он остановился, стиснул зубы. Раздражение поднялось резко — от собственной слабости, от того, что решение оказалось не таким простым, как он хотел.

— И что?.. — тихо сказал он, почти зло. — Пройдешь мимо?..

Этот плач не давал ему уйти. И он становился всё громче. Будто уже не просто звук — что-то живое, что цепляется за жизнь и не даёт отвернуться.

Он закрыл глаза. На короткое мгновение внутри стало тесно, как будто столкнулись две силы — холодная, спокойная, уговаривающая уйти, и другая, упрямая, не дающая сделать этот шаг.

— Подумай о себе... — прозвучало чётко.

— Ага... — выдохнул он. — И потом?.. Ответа не было.

И именно это стало ответом.

Он сразу понял: не будет такого «потом», в котором он сможет забыть это утро. Не будет тишины, в которой этот плач не вернётся к нему.

— Чёрт с вами...

Он сказал это уже без злости. Просто как признание. Развернулся.

Подошёл.

Присел.

Теперь он смотрел иначе — не на странность, не на проблему. А как на беспомощных и живых.

Он протянул руки. Взял первого — осторожно, и сразу почувствовал: слишком лёгкий. Это ощущение прошло через ладони глубже, чем вес.

— Тихо... тихо... — сказал он, и голос сам стал мягче, без усилия.

Второго он взял из корзины — плетение было холодным и влажным снаружи, но внутри сухо. Он отметил это машинально.

— Удержался...

Сказал тихо, не задумываясь зачем.

Теперь оба были у него на руках. И в этот момент внутри всё окончательно встало на место.

Не решение — его уже не осталось. Просто факт: он не уйдёт.

Младенцы всё ещё плакали, их маленькие руки беспорядочно двигались, будто искали, за что зацепиться. Он прижал их крепче — не как жест, а как неизбежность.

Он поднялся и быстро направился в сторону дома.

Не потому что спешил — потому что оставаться там уже было невозможно. Но и дома плач не прекратился.

Тишина, к которой он привык, исчезла сразу, как только за ним закрылась дверь. Пространство, которое раньше было ровным и спокойным, будто сжалось, наполнилось этим звуком — резким, настойчивым, живым. Он остановился посреди комнаты, не сразу понимая, что делать.

Плач не давал думать.

Он сделал несколько шагов. Остановился. Снова прошёлся. Внутри поднималось раздражение — не на детей, а на себя, на ситуацию, на то, что он уже не может просто выйти обратно и вернуть всё как было.

— Всё... хватит... перестаньте... — устало сказал он. — Перестаньте, говорю...

Но голос не держался. В нём не было ни приказа, ни силы — только попытка ухватиться за контроль, который ускользал.

Он выдохнул и замер на секунду. Потом двинулся.

Он не метался — он собирался.

Через мгновение он взял молоко. Не сразу, но без паники. Движения стали точнее. Сначала — первого.

Осторожно.

Затем — второго.

Будто бы занимался этим всю жизнь. Плач стал тише.
Дети уснули.

И в этот момент дом снова наполнился тишиной. Но это уже была не прежняя тишина — не пустая, а живая. В ней слышалось дыхание, два маленьких, ровных ритма, которые теперь принадлежали этому дому.

Жанадиль остался стоять, долго смотрел на них, потом медленно сел, как будто тело только сейчас догнало всё произошедшее. Взгляд не отрывался от младенцев, и именно в этот момент внутри него появилось не действие — понимание. Тяжёлое. Чёткое.

— Что же мне с вами делать?.. — тихо сказал он. Мысль о детском доме возникла сразу.
Логичная.

Простая.

И сразу чужая.

Он даже не стал её развивать, лишь покачал головой.

— Нет...

Это «нет» прозвучало тихо, но в нём было больше твёрдости, чем во всём остальном. Он выдохнул и снова посмотрел на детей.

— Если уж судьба привела вас в мои руки... значит, теперь я отвечаю за вас. И после этих слов внутри уже ничего не осталось прежним.

Он продолжал смотреть на них, и в этом взгляде появилась мягкость, которой раньше в нём не было — не слабость, а что-то глубже, как будто внутри открылось место, о существовании которого он сам не знал. И вместе с этим пришло понимание: его прежняя жизнь закончилась. Не вчера и не завтра — сейчас.

Он ещё не думал о том, что мог бы отнести их в детский дом и вернуть себе прежнюю тишину.

Потому что уже знал — не сделает этого. Не сможет.
Не после этого утра.

Судьба уже сделала свой выбор. А он просто оказался внутри него.

В этот момент входная дверь тихо скрипнула. Жанадиль

поднял голову.

Со стороны порога раздался голос подростка:

— Учитель?..

Глава 2

Учитель и ученики

Иногда судьба соединяет людей не кровью, а выбором.

И этот выбор может оказаться крепче любой родственной связи.

Учитель по жизни

Жанадиль взял обоих детей под свою опеку. Это было одно из самых тяжёлых решений в его жизни — и одновременно самое важное. Не потому что он сомневался, а потому что понимал: с этого момента его жизнь больше не будет принадлежать только ему.

Он не просто приютил двух младенцев — он принял то, что пришло вместе с ними. Без вопросов. Без объяснений. Как будто это было не случайностью, а чем-то, от чего он уже однажды пытался уйти — и не смог.

Некоторое время он просто стоял и смотрел на спящих

детей. Не на лица, не на движения — глубже. Как будто пытался увидеть в этом не начало, а продолжение чего-то, что уже давно шло к нему.

С этого момента жизнь в доме изменилась, но не стала хаотичной. Она стала другой — собранной, выстроенной, как будто в ней появилась скрытая система, которую не было видно снаружи.

С самого начала он дал детям имена.

Мальчика, которого принесло течением, он назвал Досжан — друг души. А ребёнка, оставленного на берегу, — Жалын.

И со временем имена перестали быть просто именами.

Жалын не умел ждать. Его жизнь всегда начиналась с движения. Он входил в любой момент так, будто тот уже принадлежал ему. Радость у него была громкой. Злость — быстрой. Он не прятал себя, и мир отвечал ему тем же.

Досжан жил иначе. Он не входил — он появлялся. Тихо. Почти незаметно. Но там, где он оказывался, всё постепенно выстраивалось. Он не спешил. Не потому что боялся. Потому что видел дальше, чем нужно было для одного шага.

Жанадилъ не сравнивал их. Он наблюдал.

И в этом было больше воспитания, чем в словах. Шли годы.

Когда дети подросли, сначала он научил их буквам. Потом

— писать, читать, правильно держать ручку.

Учил их каждой букве. Затем — читать тексты, затем целые книги. Эти книги были не всегда детскими — будто с самого начала предполагалось, что они поймут больше, чем должны.

Жанадиль всегда сидел рядом. Слушал.

Не вмешивался.

Он вообще редко вмешивался.

Их первые тетради были исписаны неровными линиями: буквы переворачивались, чернила растекались по странице. В этих неровных строках было видно, как Жалын торопится быстрее, чем думает, а Досжан задерживается дольше, чем требуется. Иногда, глядя на это, Жанадиль начинал смеяться. А дети, переглянувшись, смеялись вместе с ним.

В такие моменты дом наполнялся детским смехом. И этот смех оживлял старые стены дома у озера.

После занятий дети выбегали к воде. Там начинался их собственный мир.

Жанадиль не хотел, чтобы дети росли в изоляции. Он давал им всё, что было необходимо.

Они гонялись друг за другом, бросали камни в воду, строили замки из песка. Плескались так, что через несколько ми-

нут оказывались мокрыми с головы до ног.

Берег жил своей жизнью.

Летом там было много людей — смех, вода, крики, движение.

Жалын легко входил в этот мир. Быстро находил себе друзей. Так же быстро мог их потерять

— из-за вспышки, из-за упрямства, из-за того, что не умел отступать. Он дрался. Мирился. Снова дрался. И снова возвращался.

Досжан оставался рядом. Но не растворялся в этом. Он наблюдал. И если ситуация доходила до точки, где уже не было игры — он делал шаг. Один. Этого всегда хватало.

Иногда они ездили в город.

Шум, свет, аттракционы — всё это для них было новым, но не чужим. Жалын в этом терялся, как в огне, который ему близок.

Досжан — в тишине между этим шумом.

Жанадиль всегда был рядом. Но никогда — в центре.

Иногда Жанадиля видели в воде. Когда кто-то начинал тонуть, он появлялся так, будто был там всегда. Не спешил. Но опаздывать не умел. Он возвращал людей к берегу и не ждал благодарности. Не потому что не хотел — потому что это не

имело для него значения.

Каждое утро он продолжал тренироваться. Даже тогда, когда дети ещё не могли за ним повторять. Его движения не были показательными. В них не было лишнего. Только точность. И память тела, которое не забывает.

Иногда он доставал блокнот. Писал.

Долго.

И никто никогда не видел, что именно.

По вечерам они сидели втроем. Иногда говорили. Иногда — нет.

Дети иногда засыпали прямо за столом, и тогда он поднимался, укрывал их, и на короткое мгновение задерживал взгляд. Как будто проверял, что всё это действительно происходит.

Но при всём этом, он никогда не позволял им называть себя отцом.

Но это слово со временем перестало быть нужным. Потому что всё, что должно было быть сказано — уже было прожито.

Однако этот дом держался не только на тепле.

В нём не кричали о правилах — их просто нельзя было нарушить.

Здесь был порядок и требование к себе, которое не озвучивается, но ощущается сразу.

Жанадиль хорошо понимал: если человек растёт в мягкости, он не выдерживает столкновения с тем, что не подстраивается под него. Поэтому он не ждал, пока дети сами станут сильнее. Он начал рано.

Сначала — с простого: движение, равновесие и чувство тела.

Они учились стоять, когда хотелось упасть. Держать шаг, когда хотелось ускориться.

Останавливаться — когда внутри всё тянуло вперёд.

Потом стало сложнее.

Камни у берега. Скользкие, неровные, живущие своей поверхностью.

Бревно, через которое нужно было не просто перепрыгнуть — а приземлиться так, чтобы не потерять контроль.

Падения, после которых нельзя было оставаться лежать. Подниматься нужно было сразу. Сначала они злились. По-

том привыкали. Потом начинали понимать. Со временем это перестало быть тренировкой. А стало способом существовать.

Жалыну он дал нож. Не как оружие. Как продолжение движения. Короткое решение. Быстрый выбор. Без колебаний. В его руках нож не задерживался. Он появлялся — и сразу находил цель. Как будто между мыслью и действием у него не было расстояния.

Досжану он дал иглу. Тонкую. Почти незаметную. Требующую не силы — а точности. Здесь нельзя было спешить. Здесь нельзя было действовать раньше, чем понял. Игла уходила вперёд тихо. И попадала туда, где не было права на ошибку.

Разница между ними со временем стала очевидной.

Жалын шёл от чувства. Сразу. Как будто мир должен был успевать за ним.

Досжан — от понимания. Он позволял миру раскрыться. И только потом входил в него. Жанадиль не объяснял это словами.

Он просто смотрел.

Однажды он решил посмотреть, насколько далеко они зашли. Он встал напротив.

Не вызывая.

Просто обозначив границу.

Жалын пошёл первым. Он не умел ждать. Движение было быстрым, почти резким. Но не доведённым до конца.

Жанадиль не остановил его силой. Он просто сместился. Чуть в сторону. Настолько, что атака перестала быть атакой. И в следующую секунду нож уже был не у Жалына. Без лишнего движения. Без усилия. Он даже не посмотрел на него.

Повернулся к Досжану. Тот не спешил. Он смотрел. Пытался увидеть не движение — а намерение. И всё же сделал шаг. Игла ушла вперёд точно. Но не туда. Потому что в тот момент, когда она должна была попасть, её уже держали другие пальцы.

Жанадиль стоял перед ними спокойно. В его положении не было напряжения. Левая нога чуть впереди. Плечи свободны. Руки — как будто не заняты ничем. Но именно из этого состояния он мог сделать всё.

Нож. Игла.

Всё или ничего.

Жалын смотрел прямо. Сдерживая раздражение. Досжан — тише. Но глубже.

Они оба понимали одно и то же. До этого уровня ещё далеко.

Жанадиль ничего не сказал. И именно поэтому они за-

помнили это сильнее, чем любое объяснение. Со временем они начали повторять его стойку. Не потому что их просили. Потому что иначе уже не получалось. Но стойка — это не положение тела. Это то, что стоит за ним. И до этого им ещё нужно было дойти.

Однажды во время тренировки Жанадиль поставил перед ними простую задачу.

У самого берега стояло дерево. Старое, с тёмной корой, изъеденной временем и ветром. На одной из веток висел маленький кусок ткани — лёгкий, почти невесомый, он едва шевелился от утреннего воздуха, и из-за этого попасть в него было сложнее, чем казалось сначала.

— Кто первый попадёт — тот победил, — сказал Жанадиль. Без вызова.

Просто обозначил условие.

Жалын не стал ждать. В нём это всегда происходило раньше мысли. Нож уже был в руке, движение — завершённым ещё до того, как стало заметным. Лезвие ушло вперёд быстро, почти резко. Свистнуло в воздухе — и вошло в дерево рядом с целью.

Чуть мимо.

Этого было достаточно, чтобы его лицо изменилось. Не сильно. Но достаточно.

Досжан не спешил. Он поднял руку спокойно. Игла мельк-

нула почти незаметно. И в следующее мгновение ткань дрогнула — тонкая нить металла прошла через неё точно.

Жалын тихо фыркнул.

— Повезло.

Он подошёл ближе, вытащил нож и метнул снова. Теперь без спешки. Чище. Точнее.

Лезвие разорвало ткань. Жалын усмехнулся.

Уже иначе.

Но Досжан не смотрел на него. Он подошёл к дереву.

Снял ткань.

Посмотрел на неё.

И только потом протянул Жанадилю.

— Ничья.

Жалын нахмурился.

— Почему?

Досжан ответил не сразу.

— Потому что если бы это был настоящий бой... —
он чуть сжал ткань в пальцах, — мы бы стояли рядом.

В его голосе не было спора. Только факт.

Жанадиль посмотрел на них. Сначала на одного. Потом на другого. И в этом взгляде на мгновение появилось что-то мягкое. Почти незаметное. Как будто он увидел не результат — а то, к чему они пришли.

Но это длилось недолго. Его взгляд ушёл дальше. За берег.
За воду.

Туда, где уже ничего не было видно.

И в этот момент в нём что-то изменилось. Это было не здесь. И не сейчас.

Он больше не смотрел на них. Он смотрел туда, где их не было.

— Я ведь хотел и тебя научить... — сказал он тихо, почти для себя. — Не только этому... но и жизни.

Слова прозвучали так, будто их никто не должен был слышать. Но они слышали.

Жалын и Досжан переглянулись.

— Кого? — спросил Жалын. Жанадиль не ответил сразу.

Как будто ему понадобилось время, чтобы вернуться. Лицо его на мгновение стало жёстче и закрытым.

— Некоторым людям... — сказал он уже ровно, — не нужно знание. Им нужно лишь внимание.

Он не объяснил.

И не собирался.

— Продолжаем.

Они снова начали тренировку. Движения вернулись.

Ритм — тоже.

Но что-то уже изменилось. Жанадиль стоял чуть в стороне. И снова смотрел на озеро.

Дольше, чем нужно было.

Как будто в этой утренней тишине было что-то, что он не смог оставить в прошлом.

Годы проходили незаметно.

Они не ощущались как время — скорее как постепенное изменение того, что сначала казалось случайным.

Дисциплина, которую Жанадиль вводил без лишних слов, со временем перестала быть чем-то внешним. Она не тре-

бовала усилия — она становилась частью движения, частью реакции, частью того, как они смотрели на мир.

Жалын рос быстро. В нём всегда было больше, чем нужно. Больше силы, больше импульса, больше огня. Он не умел делать вполсилы. Каждое движение у него было полным. Каждое решение — окончательным. Иногда это давало ему преимущество. Но чаще — наоборот.

Досжан оставался другим. Он не менялся резко. Он углублялся. То, что в детстве выглядело как медлительность, со временем стало точностью. Он не спешил — потому что видел, куда именно нужно прийти.

Когда они сходились в тренировке, разница становилась очевидной. Жалын шёл первым.

Всегда.

Досжан — вторым.

Но приходил туда, где нужно.

И всё чаще именно он оказывался в выигрыше. В такие моменты в Жалына поднималась злость. Быстрая. Жгучая.

Настоящая.

Он не скрывал её. И не пытался подавить. Она проходила через него так же прямо, как и всё остальное. Но она не ломала его. Она заставляла возвращаться. Снова и снова. Пока движение не становилось чище. Пока решение не становилось точнее.

Жанадиль наблюдал. Он не останавливал их. Не объяснял, кто прав. Он понимал: это уже не про технику. Это про то, кем они становятся. Их различие не делало их дальше друг от друга. Наоборот. Оно связывало их сильнее.

Жалын был огнём. Тем, что двигает, ломает, заставляет идти вперёд.

Досжан был тем, что удерживает этот огонь от разрушения. Тем, что даёт ему направление.

Со временем их тренировки перестали быть только движением тела. В них появилось другое. Паузы, в которых они ждали друг друга. Моменты, где один понимал без слов другого. Ситуации, где выбор делался не ради победы.

Это уже было не соперничество. Это было доверие. Не проговоренное. Но точное. Они были друг для друга больше, чем просто рядом стоящие люди. Не просто друзья. И даже не просто выросшие вместе. В какой-то момент это стало чем-то, что не требует названия.

Но если бы его нужно было назвать — это было бы братство.

Тогда они этого ещё не понимали. Как не понимают то, что кажется естественным. И только позже приходит осознание — что именно это и было самым важным.

Но тогда... тогда всё только складывалось.

Они ещё не знали, что именно это станет их силой — и их слабостью.

И в этих движениях, в этих столкновениях, в этой молчаливой связи уже рождалось то, что однажды будет проверено.

Не тренировкой. Не игрой.

А тем, от чего нельзя уйти.

И, возможно, именно здесь, у воды, среди этих утренних и вечерних занятий, уже начинался их путь.

Гордый утёс

У них было место, куда они возвращались снова и снова. Не потому что нужно — потому что иначе не получалось.

Высокий утёс над озером. Камень, который за годы ветра и дождя стал не просто частью берега — стал точкой, где всё лишнее оставалось внизу.

Они приходили туда в разное время. Иногда вместе, иногда по одному. И каждый раз это место принимало их одинаково — без вопросов.

С высоты вода казалась спокойнее, чем была на самом деле, город вдаль — тише, чем он звучал, а небо — глубже. Будто мир, если смотреть на него отсюда, на короткое мгновение переставал давить.

Этот утёс знал о них больше, чем кто-либо. Знал, как они молчали, как смеялись, знал разговоры, которые не повторяются, и то, что они никогда не произносили. Иногда они просто сидели — долго, без слов, и этого было достаточно. Иногда говорили, но не о важном. Всё настоящее оставалось между паузами.

Со временем это место перестало быть просто местом. Оно стало точкой опоры. Там, где не нужно объяснять. Там, где можно просто быть.

В тот вечер они сидели там втроём. Закат медленно уходил за горизонт, окрашивая воду в тёплые, почти нереальные

оттенки. Свет ложился на край утёса, будто на короткое время возвращая ему мягкость, которой у камня быть не должно. Ветер шёл сверху вниз, проходя по их лицам, по плечам, по самому краю.

Жанадиль сидел чуть в стороне, как обычно. Он долго смотрел на воду, потом перевёл взгляд на Досжана, и в этом взгляде на мгновение появилось что-то лишнее для обычного разговора — тень мысли, которую он не произносил.

— Досжан, — сказал он.

— Говорите, учитель, — спокойно ответил тот. Жанадиль не сразу продолжил.

Он посмотрел на Жалына. Чуть покачал головой.

— Сделать из этого глупого друга человека и тянуть его вперёд — твоя задача. Слова прозвучали мягко. Но в них было больше, чем шутка.

— Не забывай этого.

Жалын нахмурился.

Он отвернулся к озеру, но не потому что хотел уйти от разговора. Просто не сразу нашёл, что сказать.

— Учитель... — в его голосе появилась скрытая обида. — Что такого плохого в моём характере? — Он повернулся. — Почему вам это не нравится? За что вы называете меня глупцом? Я ведь делаю всё, что вы

говорите. Я умею отличать хорошее от плохого.

Жанадиль смотрел на него долго. Без раздражения.
Без давления.

— Конечно, умеешь, — ответил он спокойно. И после короткой паузы добавил:

— Но чаще всего ты следуешь не разуму... а гневу. Ветер прошёлся по вершине.

Тихо.

Но достаточно, чтобы почувствовать паузу между словами.

— А гнев... — продолжил Жанадиль, и голос его стал тяжелее, — иногда разлучает человека даже с самыми близкими.

Эти слова не повисли в воздухе. Они остались.

Жалын ничего не ответил. Досжан тоже.

Жанадиль перевёл взгляд на него.

— Поэтому я и говорю тебе. Присматривай за ним. Жалын усмехнулся. Чуть резко, но без злости.

— Учитель, хватит... не надо так хвалить Досжана. Досжан рассмеялся.

— Ого... похоже, кто-то здесь ревнует учителя. Жанадиль тепло улыбнулся.

Он протянул руку и легко потрепал Жалына по голове.

— Ревность — это одно... — сказал он. — Но этот глупец ещё и избаловался.

— Да, — подхватил Досжан, — ему уже восемнадцать, а он до сих пор не перестал баловаться.

Жалын не выдержал и рассмеялся.

— *Всё, хватит уже. Не трогайте меня. Он посмотрел на горизонт.*

— *Лучше давайте просто посмотрим.*

Они замолчали. Солнце уходило медленно, как будто не спешило исчезать. И в этот момент всё вокруг стало тише — не потому что исчезли звуки, а потому что они перестали быть важными.

Жанадиль смотрел вперёд, но не на закат. В его взгляде было что-то другое — глубже, не здесь. Как будто мысль, к которой он возвращался уже не первый раз, снова поднялась — тяжёлая и не до конца отпущенная. Он не двигался, но внутри него движение было — тихое, почти незаметное.

Когда последний свет ушёл за горизонт и на воду легла вечерняя тень, они поднялись. Без слов. И начали спускаться — медленно, как обычно.

Никто из них тогда не знал, что однажды именно сюда кто-то из них вернётся уже не за тишиной, а за ответами, от которых нельзя будет уйти. И утёс, который столько лет хранил их молчание, станет свидетелем того, что уже нельзя будет

исправить.

Вернувшись домой, они сели за стол.

Снаружи ночной воздух становился всё холоднее.

А в доме было тепло. Слабое тепло печи мягко разливалось по комнате. Тёплый электрический свет ложился на стены.

Снаружи слышался только шёпот ветра. А внутри царили тишина и уют.

Досжан повернулся к учителю.

— Учитель?

Жанадиль тепло улыбнулся.

— Да, сынок?

Досжан немного замялся.

— Я давно хотел спросить...

— Спрашивай.

— Учитель... вы умеете всё. Вы прекрасно владеете акробатикой и восточными единоборствами. Вы говорили, что когда-то работали в цирке. А в метании ножей и игл вам нет равных.

Он на мгновение остановился.

— Но при всех этих способностях... почему вы живёте здесь, вдали от людей? У вас нет семьи, кроме нас. Почему вы не женились? Почему ушли из цирка?

Жанадиль глубоко вздохнул. В его глазах на мгновение появилась тяжёлая тень прошлого.

Некоторое время он молчал.

Потом тихо сказал:

— Из-за меня... человек, который был мне очень дорог, ушёл из жизни. Когда он произнёс эти слова, его пальцы медленно сжались на столе.

Было ясно: эта память до сих пор живёт в нём незажившей раной. Жалын и Досжан молчали.

Жанадиль посмотрел в сторону озера.

— После того случая я ушёл из цирка. И с того дня слово «покой» исчезло из моего сердца. Он сделал короткую паузу,

будто обдумывал следующие слова.

— Если вы знаете это... вам достаточно.

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

Потом Жанадиль поднял голову, словно отгоняя тяжёлые мысли, и на его лице снова появилась мягкая улыбка.

— Но... даже уйдя из цирка, я никогда его не забывал. И честно говоря... я хотел бы, чтобы однажды и вы выступили там.

Он не торопил.

Просто смотрел.

— Не сейчас. Когда будете готовы сами. Попробуете? Дошжан спокойно кивнул.

— Если это важно для вас... значит попробуем. Жалын тихо хмыкнул.

— Попробуем... но я не обещаю, что мне это понравится. Жанадиль тихо улыбнулся.

— Этого достаточно.

Жанадиль перевёл взгляд с одного на другого. И в этом взгляде было что-то тёплое. Как будто он увидел именно то, что хотел увидеть.

Затем тихо произнёс:

— Пора отдыхать.

— Вы идите, учитель. Мы позже, — сказал Досжан. Жанадиль кивнул и ушёл в свою комнату.

Некоторое время в доме стояла тишина.

Жалын убрал со стола последнюю тарелку и устало потянулся. Присел на край стула и сказал:

— Он вообще когда-нибудь скажет нам об этом до конца?.. — пробормотал он. Досжан посмотрел на него.

— Что именно?

Жалын усмехнулся, но уже без лёгкости.

— Из-за него кто-то погиб... Из-за этого он ушёл из цирка... И после этого живёт здесь один.

Он посмотрел в сторону комнаты Жанадиля. Досжан опустил взгляд.

Он тоже думал об этом. Просто не говорил.

— Думаю... у него есть причины. Жалын тихо усмехнулся.

— У него на всё есть причины. Только мы их не знаем. Досжан поднял голову.

— Когда придёт время, мы узнаем. Жалын посмотрел на него.

— А когда придёт время? Досжан ответил спокойно:

— Или когда он сам решит сказать. Жалын выдохнул.

— Да... наверное.

Он поднялся со стула и посмотрел в сторону комнаты Жанадиля. Чуть дальше, чем нужно.

— Всё равно... почему просто не рассказать всё?.. Они выключили свет и разошлись по своим комнатам. Дом снова погрузился в тишину.

Но теперь это была уже не просто тишина. В ней были мысли.

Вопросы.

И ощущение, что за привычным покоем скрывается что-то, к чему они пока только начали подходить.

Странный день

Рассвет над озером поднимался медленно.

Туман стелился низко, почти касаясь воды, и всё вокруг казалось размытым — берег, деревья, сам дом у воды. Мир ещё не проснулся до конца.

Жалын и Досжан, как обычно, встали рано.

Это стало привычкой, которая уже не требовала усилий. Умывшись, приведя себя в порядок, они начали собирать-

ся на пробежку — так же спокойно и точно, как делали это каждый день.

И только когда всё было готово, они оба почти одновременно остановились.

В доме было слишком тихо. Не просто спокойно — пусто. Обычно в это время Жанадиль уже был на ногах.

Скрип двери. Шаги.

Тихий звук посуды.

Иногда — короткое движение, будто он уже где-то рядом. Сегодня — ничего.

Жалын первым почувствовал это.

Он не сразу понял, в чём дело, но внутреннее ощущение уже изменилось.

— Учитель... ещё не проснулся? Досжан тоже прислушался.

— Не похоже... Он обычно вставал раньше нас. Они переглянулись.

Жалын задержал взгляд дольше, чем нужно.

— Зайдём?

Досжан кивнул.

Они вошли в комнату Жанадила.

Постель была аккуратно заправлена.

Слишком аккуратно — так, как он всегда делал, когда уже встал. Но в комнате никого не было.

Жалын нахмурился.

— Где он?..

Досжан осмотрелся внимательнее, словно мог найти ответ в деталях.

— Не знаю... Я думал, он ещё здесь.

Жалын сделал шаг вперёд, потом остановился.

— Ты слышал, как он выходил?

— Нет.

— Я тоже.

Он замолчал, но внутри уже что-то сдвинулось.

— Странно...

Это слово прозвучало тихо, но не пусто.

Жанадиль мог вставать рано. Мог выйти. Но не так. Не оставив ничего за собой.

— Почему он ничего не сказал?.. Досжан не ответил сразу.

Он стоял, глядя в одну точку, как будто пытался сложить то, что не складывалось.

— Мне это тоже не нравится.

Несколько секунд они молчали.

Дом оставался неподвижным.

— Что будем делать? — спросил Жалын. Досжан посмотрел на него.

— Ждать?

Жалын чуть усмехнулся, но без лёгкости.

— Или всё-таки побежим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.